

А. АНИСИМОВ

338

108

САМАСЭЛВЭ ХУСКИ

УЛГУРИЛ ЭВЭНКИЛ ХУТЭЛТЫН ДЯРИТЫН

Переводичан С. КАМБАГИР
Редактируйчан Г. ВАСИЛЕВИЧ

Онёвурин А. БЕСПЕРСТОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР · ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1940

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

А. АНИСИМОВ

ПРОТИВ ШАМАНСТВА

СБОРНИК РАССКАЗОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ ЭВЕНКОВ

Перевел на эвенкийский язык
С. КАМБАГИР
Под редакцией Г. ВАСИЛЕВИЧ

Рисунки А. БЕСПЕРСТОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР • ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1940

РЕЛИГИОЗНАИЛ СУЕВЕРИЕЛ ТАДУК САМАСЭЛ ЭРУЛВЭТЫН ТЭДЕДЕРИЛДУ МАННИКАТНА ТЫЛИВБЭНМУВКЭ

Нэлки, занятиел таткитту этэвчэлэтын,
этыркэн Раул эмэксэ, дюгарду дэрумкичэки
агитки дюлави Учикивэ сурувчэн.

Гиркилнунми тадук таткитту татыгамнилнун
простилачикса, Учики мэннгидуви аявридуви
оронду, хэгдыду багдама халгачиду угучакту
микчанэн. Тадук амаканун Раулнун хокторон

токикан чагидадун тэллингэ халлэн. Тар хокторон таткиттук агитки нгэнэвунгкин.

Чулбамали агили нгэнэдеми сэвдепчу бичэн. Ороp химат нгэнэдечэтын. Раул Учикивэ таткит дярин, районды центр упкачин омакталин дярин ханнгуктадянгкин. Учики амакави ханнгукта-вурван дявденгкин. Дявденэ, арчамкарилнун сэктэлнун эвиденгкин, кэтэнун лэпурэчилнун маталнун тэпкэмэтчэнгкин.

Тыргани энэ саврэ илтэнчэн. Нунгартын бираява Сурингнава долбовчол, тала аннгэчилчал. Учики эр бираява Сурингнава эчэн аяврэ: тар бираяду кэтэ амакал (накитал) биденгкитын. Таргачирнун нимэкилнун аннгэтчэми нгэливсипчукэкун бичэн. Раул сома юктэ, сома гатакта бэюмимни бичэн. Нунган энгкин нгэлэттэ амаканун (накитанун) арчалдыдави. Учики ороpво инигэрэн. Ороp хэтэкэнэ, нгосуктара дарискитанэ, баденэл агитки, лавикталдула суруми. Раул гулуwунма илакса, чайникви хигэрэн. Раул, Учики гулуwунду тэгэрэ.

— Хэку-у! — Учики, гулуwундук часки чагэродяна, гунэн.

— Экэл локомилви илара, — Раул нунганман тэдэврэн. — Ичэнни, гулуwунду асикта тувэ-

стэн, гарадукин дарискитанэ осисал хэтэкэндерэ.

— Тар-ты ичэткэл, пиджакви иладяни, — гулуwундук хэтэкэнчэwэ эллава эрундуkви но-даденэ, часки гулуwундук чагэродяна, Учики гунэн.

— Эрчэгинду тогоду эчэ дюгачинду биси — умнэт чайник хуюлден, — гулуwунма ичулиденэ, мэннгиви хулукукэнмэ ганчави (могдыви) танденэ (дамгатыдяна) Раул гунэн.

— Кэ, Учики, чайтыгат! Колобово, маслэwэ, сахарва, чайwэ урисиндякал. Тэливэ, алапчува буюрэнмэ урисиндякал. Упкатван элэ, гулуwун дагалан эмэwкэл!

Учики нгалэлви дарасиникса, дарискитанэ чавуриллан, инмэкилwэ бакассадяна. Гулуwун чагидадун сингкэw бичэн.

Умнэт долбони сингкэwдукин гулуwундула нгэлэлчэл ороp хуктырэ. Тадук экунмал аннгидала ургэпчут качутарэн, такэнмэ оёклон ургэпчут иллан, тоголо дагамадави нгэлэсинчэ.

Раул илмалчаран, пэктырэwунми туксанчэксэ, гулуwундук дариски микчанэн, того иланин эдэн камникаттэ, хактыраду ичэттэн, эмэ-

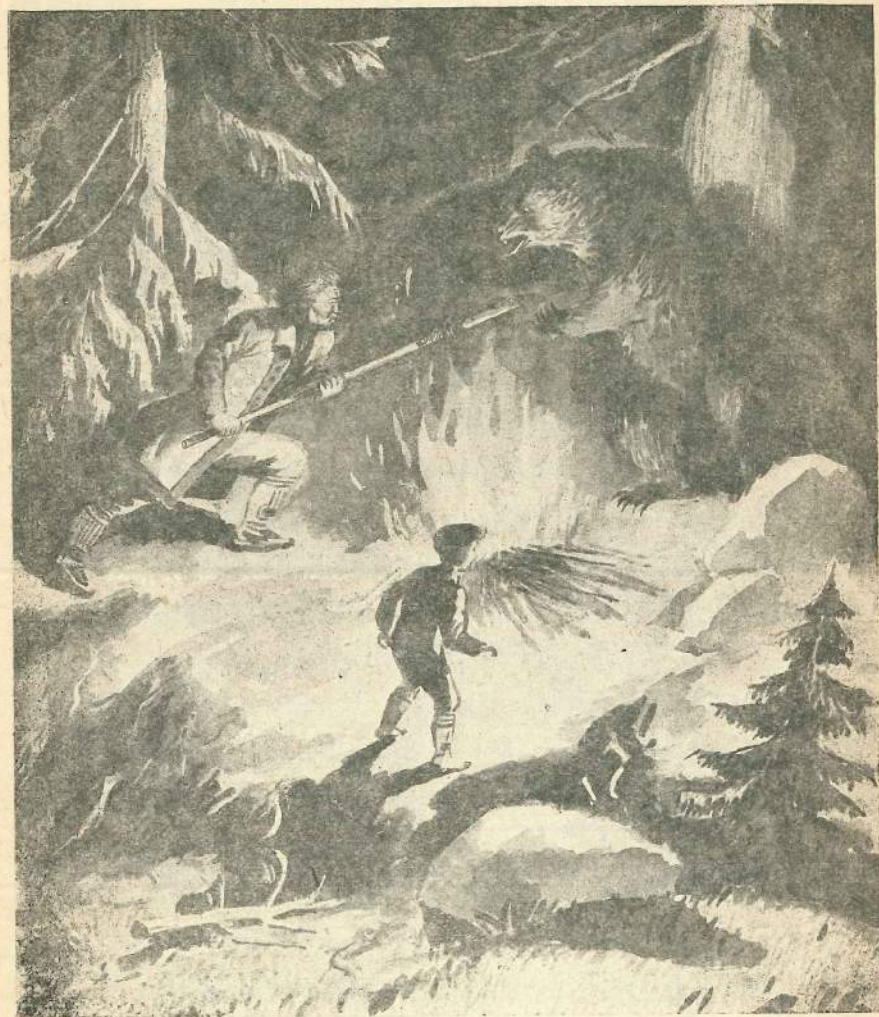
рингитви бэюмэчиндиви ичэдэндиви нгэлэв-
сипчу бэюн илнаткин ичэчиллэн.

Адыкан илтэчэлэн, амака Раул хактыраду
нгэливсипчу бэйнгэ дюрвэ гиллэнэдериwэ эсал-
ван ичэчэн, бэелwэ-дэ, тогово-до ичэтчэрилwэ.
Тадук хактыраду аракукан амаканги иллэн
ичэвуллэн.

Хэгдымэмэ амака амаргулдиви маналдиви
илитчачан, мэннгиви нгэлэвсипчувэ ангави
ангаксэ, дялдассэдериgэчин бичэн. Бэелwэ тук-
санчамудячан. Тар бинэ, тогот нгэлэтчэчэн, та-
рит аракукатчэчан.

Энэ горово дялдадерэ, Раул, пэктырэвунми
гакса, пэктырэнэн. Эми-вал хактыра бичэн.
Раул, арамакан ураксэ, эчэн варэ. Амакаwэ
гоёвуннгичан.

Бэйнгэ, тыкуликса, тэпкэденэ Рауликла
эмэсинэн. Тар-да бисикин, Раул амакат эчэ
нгэлэллэ. Нунган, котови хэсинмэн маннит
тукалатки аркикса, мэнин хэтэкэнчэрэн. Тадук,
букнэнин иктэвунэ алатчэнэ, амака хомнаты-
кинман ичэчилчэн. Хомоты дагамакса, хэннгэп-
тэнчэдериwэ туксанчаракин, Раул, гарпавча
лукичэчин, илмалчакса амакангми мевандулин
сэлэмэт котот (уткэнди) гидаларэн.

Хомотынгил нгэлэвсипчут угиригчэл дюлэ-гулин маналин бурурэ, анган динэн. Амаргу-лин маналин ембурэ. Хэгдымэмэ конгномо амака букнэнми дуннэду бурурэн.

„Эр-кэ гатактэ этыркэн, эвки нгэлэттэ бэюмэчимни! Таргачин-да би бичэ биктэ“, — Учики гунчэрэн.

„Кэ, экун тар? — адыканэ биксэ, Учики мэнми хангуктаран. — Би-кэ эсалдиви ичэчэв, Раул асуматыт энэвэн нгэлэллэ, дыликлан хэгдымэмэ бэйнгэ анган ангавчалан. Хомоты ангаракин, Раул асуматыт энэ нгэлэсисинчэрэ, хомотыва котоду аркикса, умукэнди иктэктэт дуннэду бэйнгэвэ бурирэн (тыкиврэн). Эда-кэ нунган тыкин нгэлэтчэрэн, хомоты вавчалан. Нунган бучэт-ку нгэлэтчэрэн?“

Туги-дэ бисин. Раул бучэт нгэлэтчэнэн. Эр-кэ нунган хомоты ангаван мот тэлбэрэн. Тадук, хомоты эдэн нунганман тыкуна, алта-чиллан. „Би-дэ, миннги-дэ пэктырэвунми эчэн варэ“, — гуннэ, хомотыва тылигкэчиллэн. Тадук хомотыва мурэли инемупчут тураки хомнари-гачиндин, тэпкэригэчиндин самалдыллан. Учики нунгангачиндин одан, эриллэн. Нунган хомо-тыду тылигкэнмудерэн, дэгчэл туракил мунувэ

чокимтыдавэр бисивэтын, энэл-вэл Раул Учи-киннун.

Эр-кэ Раул, дюрвэ молва гакса, мудасал-дулитын адыканмэ хангирилва кототви оран, бээдывэ дэрэвэ арамакан урэвкэннэ. Тадук гетыкинду хулукукэрвэ момалва котолво окса, нунгарватын дарандуви, того дагадун илив-ран.

Учики тарил момалва сайтасэлвэ сачан. Нунгартын бугады ичэдэлин бичэтын, дюган элбэчимнин ичэдэлин. Амака Раул нунгартын элбэчиридутын дикиликатчэчан.

„Инемупчу, сома инемупчу“, — Учики гун-чэчэн, ичэтчэнэ он амака, элбэчинэ эетчэнэ, моматки сайтантыки нгэлэтчэнэ камнитчари-ван.

Нунган-ка эрил сайтасэлвэ элэкэс-нун ба-кавкачадук хуксэмнэдук очан. Эрдэлэн нунган таравэ нодачан, „улапкун — гулувунду илаптын эденгэ биси“, — гуннэ.

Эр-ты инемупчу. Амака Раул Учикиду-дэ „умукэндутын тэгэкэл“ гуннэ тэгэвкэмудерэн, тадук гундерэн: „Эеткэл, нунгартын элбэттэ-тын“.

Тэли Учики, энэ мангичара игдымэмэт

хактанчэллэн, Раул хэтэкэникнэнин. Раул сот-марит нгэлэтчэнэ Учикивэ валаллэн, гунденэ:

— Экэл тэпкэрэ, экэл инектэрэ, игдыт экэл симкитта, эксинира, мэннгиви мома сайтанми — „бугады“ элбэчиндун бикэл!

— Амака, си экунди нгэлэтчэнни?—Учики ханнгуктаран:—бугдыт-ку хомотыт-ку, экундигу?

— Би хомотыт эчэв нгэлэттэ,—сивутанэ Раул дяврэн,—хомоты омин аксатчаридин нгэлэтчэм. Нунганман-да би улэкидэви некэдем, нунгандукин-да би бугадыдук элбэчинэ эетчэм,—тыкупчут Раул хаврэн, тадук Учикиду ипкэрэн, нунганман дярадан.

— Эчэ, минду эду-дэ ая,—Учики гунэн.—Тала синду сангняпчу. Нукчургэксэ, эрил сайтасэл дагадутын тэчэтчэми эчэ-дэ ая биси.—Учики инемулдеденэ, унякачандиви сайтасэлвэ нунгнирэн.

— Си эчэс бучэ хомоты омин аксатчаридин нгэлэттэ?—Раул аракукан ханнгуктаран.

— Эчэв,—Учики игдыт дяврэн.

— Нгэливсипчулди сэвэсэлди эчэс нгэлэттэ?—нян амакан нунганман аракукан ханнгуктаран.

— Сэвэсэлди-дэ энгнэм нгэлэттэ.

— Эда?—энэ мангичара игдыт ханнгуктаран.—Эда си, хулукун бээкэн, умукэмэтъе болдоё бэйнгэе эчэ варэ, нгэливсупчулди сэвэсэлди энгнэнни нгэлэтчэрэ?

— Би экумава-да омива энгнэм тэдедерэ, мангингива-да, бэенгивэ-дэ, экумангива-да энгнэм тэдедерэ, аялва-да, нгэлэвсипчулвэ-дэ.—Учики Раултыки гунэн:—Тарит би хомотынги-да омин аксатчаридин энгнэм нгэлэттэ, сэвэсэл-дэ ваденгадитын.

— Тук-кэкун-нгу,—гайканденэ гумэк оран Раул.

— Е-е, энгнэм тэдедерэ,—Учики гундечэн,—эласа-да экуманги-да омин ачин бичэн-да, ачин-да тыкин. Экумангил-да сэвэсэл ачир,—Учики гундечэн,—эт-та эвкэ нгэлэчиттэ. Самасэл, тэдедерил бээл упкачитын улгурилтын авадытыкирдули сайтасэлдули, тар упкачин—улэкил, хитэмэт дялдавчал. Нунгардутын адыкан-да тэде ачин. Нунгартын кэтэмэмэе эруе эмэвувкил. Он-ка бисин: тыкулча хомоты синэ ангавчат ангатви туксанчэмурэкин, си эчэс нгэлэттэ, тыкин бучэт хомотыт нгэлэтчэнни, эрил сайтасэлди дикиликатчэнни, эрил

дюрдук момалдук, гололдук элбэчинэ гэлэктэ-денни. Тар инемупчу бисин-нгу, эсин-нгу?

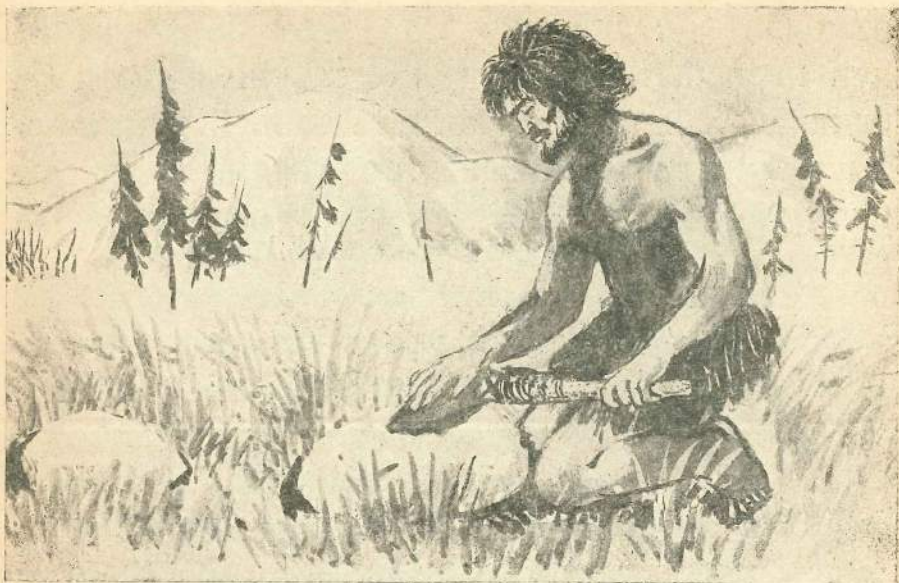
— Экундук си санни сэвэсэл ачинматын? — сагды Раул Учикидук ханнгуқтаран.

— Би таткитту бингэсиви эр дярин сачав. Таткитту мунду элэли тыливкэнчэтын, илэл (бэел) сэвэсэлвэ тэдентын он овнаван, авады эрутын тарадук. Оккакун, татыгамни-аси мунтыки гундечэн, — бэел эласа-да религия дярин эчэтын сарэ. Элэкэсиптыл бэел экуматын-да религиятын ачин бичэн. Нунгартын энгитын экумалва-да сэвэсэлвэ тэдедерэ. Элэ часки, амаргутмарит сэвэсэлвэ тэдентын (вератын) овчан.

— Экундук си санни, таргачир бэел бинивэтын? — Раул ханнгуқтаран. — Нги-кэ саден, он учэлэ элэкэсиптыл илэл бинэвэтын (бодоновотын)? — этыркэн Раул хаврэн, энэ тылдерэ.

Учики гулувундула олгокирва молва дюл-кучэн. Гулувунду хуксэмнэлвэ аюстан, этыркэнтыки Раултыки дагамакса, он упкат алагу-вумнил эсикэникэкун агитки экскурсияла гир-кунаватын, нунгантыкин улгучэллэн. Учики

этыркэнтыки дюпкэки улгучэнэн бирая дяпка-дун первобытнэй бэе дёломонгмон сукэвэн он бананаватын, тадук эва татыгамни-аси нунгар-тыкитын улгучэннэвэн тар дёломо сукэ дя-рин, тадук тар сукэт сукэтэчэл бэел бодотын дярин.

ЭКСКУРСИЯДУ КУНГАКАРТЫКИ ТАТЫГАМНИ-АСИ ЛИБГОРИК ЭВА УЛГУЧЭНЧЭН

Татыгавумнил экскурсиятын урэдук Дягдякандук бираятки эвдечэн.

Кунгакар игдыл дылгартын эвгиски дагамачечатын, игдымалва хексалва исиксал, упкаттулин нэптэндули игдыт ултанчатын. Кунгакар мэртын эчэтын ичэврэ: сигикакун чулбакадуви нунгарватын дяючадячан.

— Либгорик Садаулевна! Либгорик Садаулевна! Бирая эду! — Хэвэкэ тэпкэрэн, урунденэ,

самалдыдяна, орачи биракан игвэн тэпкэссэлэнденэ.

— Эду-у! — улта ултаран, упкаттулин агили оловконмучалгэгир хинукичэргэчир гэенэн.

— Э-э! Эр эду нунган, — кунгакар урунденэл тэпкэрэ, агидук бираякан дяпкалан юнэл, чукалдук чипканчикар юнэгэчиртын.

— Кунгакар учуне! — татыгамни-аси гунэн, — упкат умукэнду экэллу игдымэмэт тэпкэдерэ.

— Чиярик, — асатканыки нунган хоролисан, — эсикэннгэ дёлодук (хисэдук) юкэл! Дёло хилбимэ. Си хилбэрокса, мулэ буруденгэс. Кэ туги! Кэ-нэ элэ миндулэ туксакал.

— Кунгакар! — нунган игдыт гунэн, — кэнэ, тэгэгэт! Тар улуктаду бисиду, аяпчуду нэптэ-кэду упкатван агиду тавнавар итыладягат!

Кунгакар, гудейду агланканду тэгэксэл, итылалла. Авсакарду, банкакарду кумикэрвэ, иргактакарвэ нэттэ. Хэгдылду папкэлду аяпчулва агидылва цветокилвэ нэттэ. Хулукукэрвэ асиктакарвэ, энгурэ алапчулва авданналван нэттэ.

— Иду Ядуга? — татыгамни-аси ханнгуктаран. — Илэ очан нунган? Нунган-ка эси-кэн эду бичэн.

— Я-ду-га-а-а!—мэннгиви гиркиви Шивэрчэ эриллэн.—Э-лэ-э-э э-мэ-кэ-л-л!

— Э-э-э!—иду-вэл улукта хэргидэдукин Ядуга дылганин дяврэн.

Ядуга мэнин амакан эмэрэн, упкачин тукалат тыпавча, онгоктови осивча бинэ. Нгалэдун чилбума бурусивчэ бурумэ дёло бичэн. Тар дёло первобытнэйл бэел дёломово сукэвэтын урэри бичэн. Кунгакар экскурсият Москваду биденэл, музейду дёломолво сукэлвэ ичэчэтын.

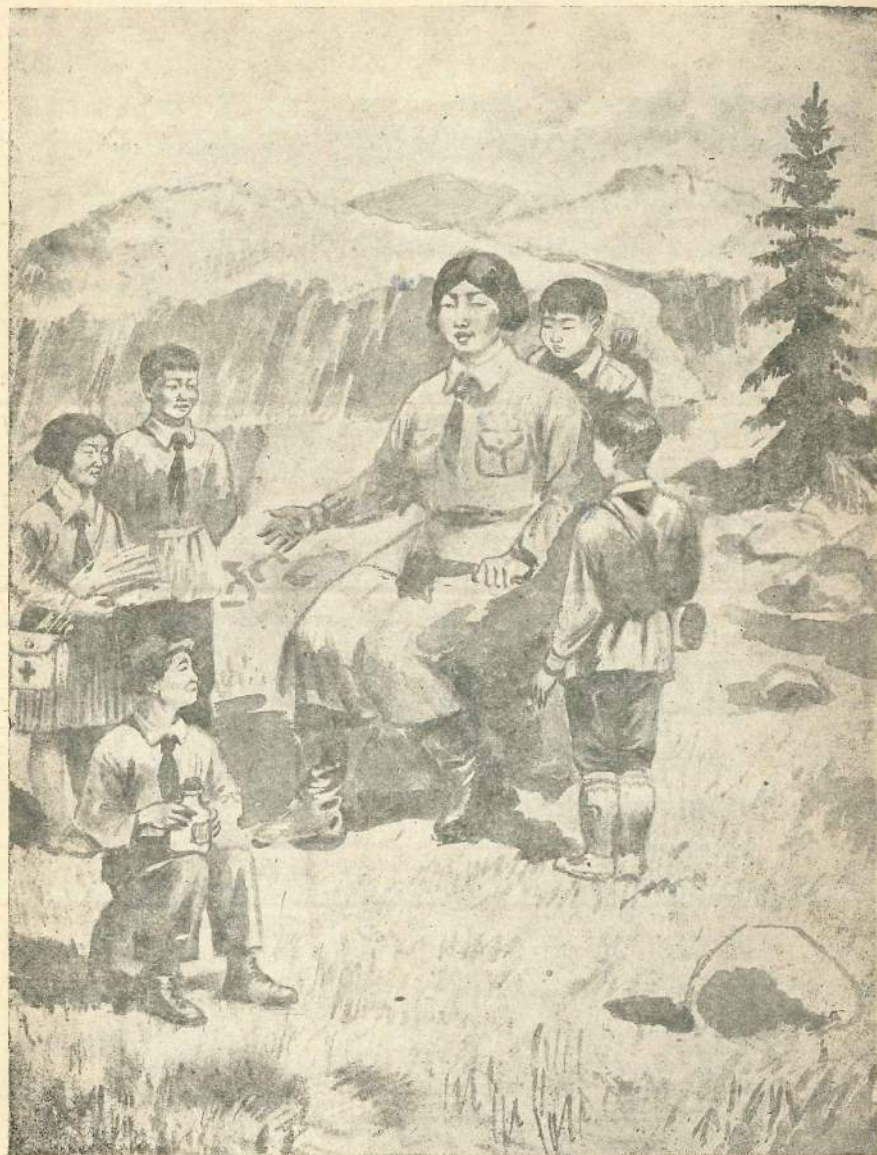
— Ядуга экун биси?—осивчавэ Ядугавэ ичэксэ, татыгамни-аси хангуктаран. Нунган хатада нгэлэлисчэрэн:—Ядуга эчэс-ку эяви-вал варэ?

— Арамакан вамэ (эркум),—Ядуга дяврэн,—нгэкэ оёдукин эллэннгэли буруденэ, ангуви халганми вам (эркум).

— Он улуктадук?—татыгамни-аси, кунгакар гунэ, гайканденэл.

Нунган, баканави татыгамни-асиду буксэ, такэнду тэгэнэ, улукта оёдукин он бурунэви улгучэнэн.

Ядуга ингамэ улукта мудандулин микчандечан, сэвдепчут инектэденэ, халгарви хэргидэдуктын игдыт хэргиски бираяла он дёлол, тукалал бурудеридитын. Умнэт Ядуга халгарин

хэргиклэтын биси дуннэ мэлдэргэрэн, нунган тукаланун умукэнду хэргиски бурулчэн.

Ядуга, иликса, мэндукви тукалави хэмулгэссэн. Мурэливи ичэтчэнэ, хуелви булдяна, нунган халгарви хэргиклэтын эр дёлово ичэчэн. Эркувчэвэ гатактава Ядугавэ аланчэксэ, нянгнядук тэсиксэ, татыгамни-аси баканаван гаран, тадук гунэн:

— Кунгакар, эр дёло, Ядуга баканан—эчэ дёло биси. Эр учэлэ Городу митмэклэ эду бидечэл бээл дёломо сукэтын.

— Он-ка нунган элэ очан?—Кэпкэнчэ ханнгуктаран.

— Нунгарнгитын урикичитын эду биркэты,—татыгамни-аси дяврэн.—Эр-кэ унгигэт эр дёломово сукэвэ музейдула. Талак миттулэ татыгаласэл (ученаил) эмэденгэтын, эр улуктава улэденгэтын, тадук митту нги эду бинэвэн улгучэнденгэтын.

— Либгорик Садаулевна,—хулукукэн конгномо эсачи Иркума гунэн,—панкагирил самантын гунигкин: эр хексаду учэлэ сэвэн дылмарагда бичэн,—нунган нгалэкандиви дага бидеритки пагъяматки хэксатки нунгнирэн.

— Упкат самасэл улэккитчэрэ,—Кэпкэнчэ тыкупчут гунэн.

— Либгорик Садаулевна, эда бээл сэвэсэлвэ тэдедевкил, нунгардитын нгэлэтчэвкил?—татыгамни-асидук дагадун илитчача Ядуга ханнгуктаран.

— Бээл энгкитын сэвэсэлвэ луху тэдедерэ, энгкитын нунгардитын луху нгэлэтчэрэ,—нунгантыкин татыгамни-аси гунэн.—Нонон бээл энгкитын экумалва-да сэвэсэлвэ тэдедерэ, энгкитын экумалди-да сэвэсэлди нгэлэттэ.

— Кэ солватын-ка!—умнэт ады-да кунгакадыл дылгар гусилдырэ.

— Кэ, эр дёломотки сукэтки ичэткэллу,—татыгамни-аси гунэн, Ядуга баканаван кунгакарду ичэвкэтчэнэ.—Ичэткэллу, он сукэ чимбума бурусивчэ. Нунганман-ка бэе дёлодук одячан, экуматъе усэе ачин нгалэлдуви бинэ. Кунгакар, эргэчинэ сукэе одави сот хаваливка бичэн.

— Эй, эй он сот!—кунгакар упкачитвар дярарэ.

— Бээл эчэтын умнэт татыра, эргэчирвэ сукэлвэ одавэр. Кэтэ тысячал аннганил илтэн-

чэтын-нун, бээл таргачирва сукэлвэр одавэр татталатын. Дёломолво усэлвэ одяривар хутэлдук хутэлдулэ буденгкитын. Тардала нунгартын хэгдывэ бурувэ гангкитын, гет дёлот иктуденэл, умукэнмэ муданман деюгингкитын, тарит дёло арамакан эмэритмэр, деечитмэр онгкин. Ген муданин, дёлово нгалэду дявучавган бидэн, энгкин деюсиврэ. Бээл эргэчирди дёломолди сукэлди кэтэвэ тысячалва анганилва бэюмэтчэнгкитын, нгэлэвсипчулдук бэйнгэлдук элбэчивунтэнгкитын.

— Сингнипчул, — асаткан Аярик гунэн, — нунгардутын индеми ургэпчу бичэн.

— Тэде, Аярик, — асаткан турэрвэн татыгамни-аси подтврдиэн.

— Элэкэсиптыл илэл эргэчир дёломол сукэчил бинэл, природанун нгорчадянал адыра-да энгэсие ачир бингкитын.

Нунгартын эчэтын природава-да аят сарэ, нунган дярин тэдее тыливунэ ачир бичэтын.

Нунгартын мэндыкэвэр природавар дярин энгкитын эва-да сарэ, иллэвэр он овчаван, экунди энудеривэр. Тарит природанун нгорчандувар адыра-да энгэсие ачир бингкитын. Тар энгэси ачинтын тарил бээл природанун нгор-

чандутын религиялва итывчан. Эрчэгин пример.

Первобытнэйл бээл, хомотыва бэюмэсинденэл, лукилди гарпачивчавэ хомотыва урэвнэ дэрэен онгкитын. Оксал, хомотыя вамэрдавэр дялдачэденгкитын.

— Тэли хомотыл бидечэтын-нгу? — татыгамни-асидук асаткан Укширик ханнгуктаран.

— Е-е, — татыгамни-аси гунэн, — тэли-дэ хомотыл биденгкитын. Элэ нунгартын тыкиптылдук хунгтутмэкэр бингкитын: нунгартын тыкиптылдук агидылдук хомотылдук кэтэрэ хэгдытмэсэл бингкитын.

— Таргачинма хэгдывэ нгэлэвсипчувэ хомотыва таргачинди сукэт бэюмэтчэми нгэлэвсипчу, — кунгакар умунтын гунэн.

— Тэли бээлду сукэлдук нян бэрил (алангал) бингкитын, нунгардитын хомотыла, тадук хунгтулэ бэйнгэлэ бэюмэтчэнгкитын.

— Экундук мит садеп, бээл туги бинэвэтын, нунгартын таргачирва хэгдылвэ, нгэлэвсипчулвэ хомотылва ваңэватын? — татыгамнидук Кэпкэнчэ ханнгуктаран.

— Ученаил кэтэвэ дуннэлвэ, урикичилвэтын улэчэтын, — татыгамни гунэн, — тала удял-

ватын бакачатын: гиамналватын, гиамнарикталватын, гулувуртын хулапналватын, усэлтын хулапналватын, тадук авадытыкир бэйнгэл кэтэмэмэвэ гиамналватын — девсэмнэлвэтын бакачатын. Тарил илэл бэйнгэлвэ девунгкитын.

Амаргутмарит, авадытыкирва бэюмэткитту, бододу кутул ачирватын (таргачир кэтэ бингкитын) бээл тыливкэнингкитын туги: экунмал эвки ичэврэ мучун (итын) бээлду бэюмэткиттутын, бододутын эрувэ одяран.

Эми-вал бээл энгкитын мучусэлнун нгорчандувар энгэсие ачир биси, дялданэгэчинмэр.

Баясал, дядангил очалатын, нюнгэл, кэлумэл, бокасал очалатын, дядангил бинитын ургэпчутмэр очан. Нунгартын албангкитын баясалва хуски нгорчадыми. Баясал, нюнгэл нунгардуктын энгэситмэр бичэтын, тарит дядангилва, кэлумэлвэр, бокасалвар сомат тырэтчэнгкитын.

Илэл ургэпчу бинитын, баясал тырэчинтын тар упкат дядангилду эсилвэ биси сэвэсэлвэ, тадук эксэриэвэ тэдевкэнденгкин, нунгардуктын гэлэвкэнденгкин, бэлэдэтын. Туги тэдэтын нонувулчан, туги религия олчан.

— Либгорик Садаулевна, — Ядуга гунэн, — гукэллу, он самасэл олчатын?

— Би тар упкатван сунду таткитту тыливкэндечэв. Си урокту ачин бичэс, си аиткитту хуклэдечэс энуденэ. Долчаткэл улугучэндем, он самасэл онаватын.

Нонон экумал-да самасэл ачир бичэтын.

Элэкэсиптыл бээл мэртын самасэл ачирдитын сэвэнчэнгкитын, нимнгаденгкитын, бэюмэттыдувэр кутучил (сингкэчил) бидэвэр.

Сэвэнчэдеридутын, нимнгадеридутын этыркэр нунгниденгкитын. Этыркэр саритмасал бингкитын, тарит нунгнигэнгкитын. Элэ часкаки, кэтэ аннганил илтэнчэлэтын, самасэл олингкитын.

— Либгорик Садаулевна, эда эвэнкил кэтэдытын эсикэкэн-дэ авадытыкирва эрулвэ, нгэлэвсипчулвэ сэвэсэлвэ тэдедевкил, самасэлвэ долчатчэвкил? — Ядуга татыгамнидук хангуктаран.

— Тар, Ядуга, холоктодук эмэнтэн. Дюрдяр аннганил амаски эвэнкил, хунгтул Северду бидерил тэгэлгэчир, эчэтын машинаматыэ сарэ. Эчэтын сарэ турэмэтъе „карандаш“ (дукунгки), турэмэтъе „книжка“, эласада индувэр эчэтын аичимнива ичэрэ.

Тэгэмэрды самодержавие энгэсиндин

тырэвчэл бинэл, мэннгилдивэр князингилдивар, баянгилдивар тырэвчэл бинэл, нунгартын сотмарит дядангдянгкитын, авадытыкирдук давуналдук энумукилдук, демудук буденгкитын хутэлнунмэр умукэнду. Туги биденгкитын, тэгэмэр бингэсин.

1917 аннганиду Великай Октябрьды социалистты революция авадыва-да национальнайва тырэнмэ ачингичан, Севердылва тэгэлвэ свободаилди очан. Коммунистты партия, советты правительство, акунасалгачир, Севердылду тэгэлду, тырганитыкин бэлэденэл, бэлэрэ севердыл тэгэл эмэнтэлвэр ачингида-тын.

Учэлэ эвэнкил эчэтын сарэ, экун тар „карандаш“ (дукунгки) экун тар „книга“, энгкитын долчатматтэ аичимнива. Тыкин агилду мэрнгилтын нямадил таткичилтын, аиткичилтын, ветпунктэлтын биси; тала мэрнгилтын татыгамнилтын, радистылтын, ветеринарилтын, совхозингил директорилтын биси.

Тыкин эвэнкил национальнаилду районилду, округилду организуивувчал. Власть мэрнгилтын органилтын биси. Мэрнгидуквэр эвэдыдук округтук СССР Верховнайдула Советтулэн

депутатыт эвэнкивэ гиркивэ Давыдкинма Александрэва синмачал!

Эвэнкил бодотын тэкэндуви хунгтупчэ. Илтэнчэдук энэсие ачин бичэдук удыматын эчэ эмэнмурэ. Эрил достижениеелтын эвэнкил дявучаналтын коммунистты партия, правительство нунгнигэдутын религия нгингтэлвэн хонгничал.

Эсикэкэн самасэл холоктоды бодо эмэнтэлгэчиртын бидерэ. Тарилнун нгорчавка. Религиознаил суевериел эрулвэтын самасэл эрунгэвэтын бээлду мангичинал тыливкэнивкэ. Религиознаил суевериел, — татыгамни гундечэн, — самасэл, тарилва тэдевкэндерил, окин-да тэгэлду хэгдывэ эрувэ эмэвдечэтын, эсикэкэн-дэ эмэвдерэ. Дёнкаллу, он ады-вал аннганил амаски религиознаил суевериел дяритын хулукукэн Питакэ энинэ ачин эмэнмучэн.

— Е-е, дёнчадярав, — кунгакар дяврэ, — мунду тынгариннга Питакэ улгучэнчэн.

Комсомолец Питакэ улгучэндечэн экунду религия самасэл эрутын бисивэн, эда тарилнун нгорчавка.

Эва-ка Питакэ кунгакартыки улгучэндечэн?

ЭДА ХУЛУКУН ПИТАКЭ ЭНИНЭ АЧИН ЭМЭНМУЧЭН

Тар дян аннганил амаски бичэн.

Болорон: Ирэвэгил осисалди корочалгэчир очатын, оланчал авданнал буручилчэтын.

Кэтэ бээчи уриkit Юдукэнду хилэнэчэгэчин оча, бираякарди агили эесинчэгэчин оча. Эвэнкил хутэлнунмэр умутэкэрди, дютэкэрди уриkitтук хуелдыдечэтын, дюкчалдивар агитки сурудечэтын, улукил бикичилдутын дагатмасал бидедэвэр.

Куктыул Микчанчанун, маталнунмар умукэнду, Катанга бира аннгидалин суруксэл, Бугарикта дэрэндулэн нулгисинчэтын. Иманна бурурэкин-нун, бэюмэчилчэтын. Уриkitту элэ дюрпу бичэн. Гедутын хулукун Питакэ бидечэн, гедутын — сэвдепчу асаткан Пэтэмэк.

— Пэтэмэк! — эллун, хэргидэдукин сигисичавэ дылван ичэксэ, Питакэ тулигит тэпкэсинэн. — Эмэкэл миндулэ, эвигэт!

— Эсикэкэн эмэдем! — Пэтэмэк дяврэн, тэлиннгэ дюкчадукви юрэн.

— Тыкин уриkitту буливсипчу оран, — Питакэ илитчаналан гулувундула дагамаденэ, гунэн асаткан. — Упкат бэюмэtkитту.

— Нгинанир-да бэюмэtkитту, — Питакэ дяврэн. — Нунгартын тыкин албавкил муннун эвидерэ.

— Кэ, Питакэ, эниндулэс суруми, нунгандукин эетми, мунду нимнгананэ улугучэндэн, тынэвэ улугучэннэвэн, ая бичэ бимчэ, — асаткан Пэтэмэк гунэн.

— Е-е, ая бичэ бимчэ, — Питакэ гулдырэн. — Элэ эситкэн нунган ирэксэвэ идерэн. Нунган, ирэксэвэ ут уденэ, нимнгананмэ албадян улгучэндеми.

— Эдягин-да, — Пэтэмэк гунэн, — энинни аямама. Нунган митту умукэмэтъе хулукукэнэ нимнгаканэ улгучэндэви гэдыден.

— Миннги энинми аямама, — сагунанэ Питакэ гунэн, — нунганман зетми, нунган улугу-чэмэрдэнгэн.

— Кэ, суругэт, зеткэт! — Пэтэмэк гунэн.

Кунгакар нгалэлдуквэр дявалдыксал Питакэ дюлан туксасина. Тала долбони дулиндулан тэгэтчэчэтын, долчатчэнэл нимнгакарвэ, алап-чулва хэкупчулвэ лепешкалвэ девденэл, Питакэ энинин туютчэнэлвэн.

Агидук нгинакин гононин иллэн.

— Тар муннги Соболивун гогодэрон, — Пэтэмэк, уруниксэ, гунэн. Тар муннгил, — Микчанчая аминан улумидексэл нгэнудерэ.

Пэтэмэк, сунмэ кумулэксэ, дюкчадук юмэл-чэрэн.

Тэгэми-нэн, Питакэнун арчалдыкса, Пэтэмэк андагиткиви гунэн:

— Миннги акинми, Микчанча, тынэвэ эя-да эчэн варэ. Нунган агиду энуниликсэ, аран дюкчалави исчан. Эси-тырга ами нунганман аиткиттула сурувделлэн, — гуниксэ, сонголлон.

— Экэл сонгоро, Пэтэмэк, — Питакэ сонго-дэрива Пэтэмэквэ алтатчэчан.

Илан тырганил эделитын илтэнэ, Питакэ энинин энуниллэн.

Питакэ аминин, мэннгилви нюркучангилви ороорви намакса, нямадива километрилвэ часки агитки саманмэ гэннэсинэн. Энудеривэ асиви Питакэнунмэ, нимэкилви хэрунчэдэтын, эмэн-чэн.

Мэнми-дэ, ороорви-да кэсэгиксэ, Питакэ аминин илидудын тырганиду самандула Гекча-гэла исмарикса, саман сурунэ, энудеривэ сэ-вэнчэдэн, эечилчэн.

— Би, — саман Гекчагэ сокатчэнэ гунде-рэн, — бээдун авадыва-да нгэлэвсипчувэ тыкуп-чува сэвэнмэ ювумчэв. Айдым синнгивэ-дэ асивас.

— Элэдэкэл айкал! — Питакэ аминин са-мандук зетчэрэн.

— Нги-кэ минду улумилденгэн, хэвэнчэ-денмэв? — саман ханнгуктаран.

— Би синду мэннгилви упкатви ванэлви-улукингилви буденгэв, дюлав суругэт-нун. Би синду улумилденгэв, — Питакэ аминин самандук зетчэрэн, — пожалуста кангкит суругэт-нун!

— Е-е, — саман гунэн, — тыматнэ тыргал-
дяракин, суруденгэт.

Элэ надыдутын тырганиду Питакэ аминин
мучуран. Нунганнунин умукэнду саман Гекчагэ
эмэрэн.

Асидун эрумэмэ очан. Нунган тыкин сэктэ-
вундукви эвки илла, хулладук эвки юрэ, олго-
чолди хэджурдиви аран гундевки, луху умдави
эетчэвки. Нунганман тэлиннгэмэлчэ аиткиттула
сурувувкэ бичэн. Питакэ аминин нгэлэвси-
пчунун, эсинун игдывра, нянгнячинун саманнун
олдыдядьячан.

„Эни туннгаллава хуклэдерэн энуденэ, ну-
нган элэ эсикэкэн мучуран“, Питакэ гунчэчэн,
саманмэ онтанэ валаденэ.

Саман эмэрэн. Эделиви сэвэнчэллэ, дюл-
лэвэ дэрумкитчэчэн — туги саманды иты ипкэт-
чэчэн. Питакэ сингнипчу аминин сомат хавата-
дячан, нунган энудеривэ-дэ этэетчэнгкин, са-
манмэ чаит-та, маслэт-та, багдамат колобот
туютчэнгкин.

Элэ илидутын тырганиду саман сэвэнчэл-
лэн. Долбонива сэвэнчэчэн, „сэвэсэлнунми
гулдымэтчэчэв“, гуннэ, сэвэсэл дяретын дюрвэ
орорво вавканэн.

— Туги сэвэсэл ипкэтчэрэ, — тыкупчут гунэн.
„Экурди-ка тыкин нулгиктэлденгэвун?“
Питакэ гунчэчэн. „Муннгил-кэ, туннгарикта
орорвун!“

Эми-вал Питакэ аминин нгэлэттэн саман-
нгивэ сэрутнэвэн эдэви долчаттэ. Нунган, дюрвэ
орорво дявакса, нунгарватын варэн. Ирэксэл-
вэтын хигиксэ, нгонимилду нгиннукарду локо-
рон. Уллэдитын саманмэ туючиллэн.

Хута саман, иргичигэчин, алапчулва уллэвэ
депилкэкуттэн, эмукин упкатван тынгэнмэ де-
врэн. Питакэ сомат алапчува тынгэнмэ амта-
ксимучан, тынгэнди энудеривэ энинми тадук
сотмарит туктмучэн. Эми-вал нунган самандук
эчэн эетмурэ. Саман сомат тыкупчу, нгэлив-
сипчу бичэн.

Тадук саман нян сэвэнчэллэн, дюрвэ долбо-
нилва дапкалта сэвэнчэчэн.

„Хута иргичи, — Питакэ саманмэ валаде-
чан. — Миннгивэ энинмэв кэсэгимэдрэн“.

Саман сотмарит самалдыдячан, мэннгилви
эчэнгилви тыливгэн биси давлавурви сотмарит
оредячан, энэ этэрэ унгтувунми дугдечэн, дуг-
дечэн. Урикитту бисил кэтэ сагдыл бээл, асал
дырадячатын. Тар тэпкэнэдукин, дугнэдукин,

сингнипчу Питакэ эчэн сарэ илэ-дэ суруденгэви, энинми сомичадярилва эсалван ичэтчэчэн, хэкудук ирчэлвэ арамакан ангачадерилвэ хэ-дюрвэн ичэтчэчэн, „Он-ка нунган, сингнипчу, тар упкатван долчатчэрэн“, гунчэдечэн нунган.

Туннгитын долбони мудандун саман этэчэн сэвэнчэдеми, тэдэвчэн:

— Сэвэсэл нян дюрвэ ороорво эетчэрэ, вап-тынтавуна.

Питакэ аминин, саманмэ эдэви долчаттэ нгэлэтчэн, нгэлэтнэ нян дюрвэ ороорво эмэврэн. Тарил дюр ороор гудеипчул бичэтын умукэнтын — Питакэ угучакин бичэн, хэгды игдяма гилгэ. Тар гилгэ адыва-да анганилва мэннгидуви сэгдэннэдуви хулукукэнмэ Питакэвэ эксэктэчэн. Эласада хулукукэн Питакэ лочокоду хэркучэ-денэ угаргаракин, илингкин. Ге — Питакэ энинин угучакин бичэн. Нунган угучакви сомат аявунгкин, сендун хуламая секанан очан.

Дюкчадук тулиски юксэ, Питакэ аяврилви ороорви локучадярилва ирэксэлвэтын горово ичэтчэнэ, аракукан сонгодёчон, анчардуви ина-мукталва тэсидеңэ.

Питакэ дюлави мучучалан, энинин сумулал-чан. Нунган эр бултэк, бултэккэчин бичэн.

Саман этэчэн сэвэнчэдеми, Питакэ энин-мэн ичэттэн, тадук нунган будеривэн ичэксэ, Питакэ аминтыкин гунэн:

— Би тыкупчуви сэвэнмэ эденгэ бисим юврэ, синнгивэ асивас эденгэ бисим айра.

— Эда? — Питакэ аминин самандукханнгу-ктаран.

Саман дяврэн:

— Саман-остяк синнгилэ асилас тыкупчува сэвэнмэ унгчэн. Авадылдули-да идэгэлдули ба-дерэн таравэ ювдэви...

Амакан саман суручэн, сэвэнчэнэливи та-манма мэннунми гакса, Питакэ аминин боло-ниду упкатван ванэлван гакса.

Саман сурунэдукин умукэн тыргани илтэн-чэлэн, Питакэ энинин бучэн. Нунганман гу-деипчут дакэт тэтывчэтын, албинди нечуксэт куптучатын, тадук гугдаду асиктамалду бак-салду — дэлкэнду нэчэтын. Питакэ сомат со-нгодёчон.

Тыкин хулукукэнду Питакэду энинин ачин бичэн. Тыкин нги-дэ нимнгакарэ эденгэ улгу-чэндэрэ бичэн. Нги-дэ буллэ, алтаттэ эденгэ бичэн. Тыкупчу саман Питакэдук энинмэн таг-дысчан.

Тыкин оротын-да ачир бичэтын. Эр-кэ нунгартын локовчол. Тыкупчулду сэвэсэлду дыгин ороп ирэксэлтын анивчал. Умукэриктэ орон эмэнмурэн. Кэ, эя-ка одяни умукэнди-кэ оронди: эчэ саврэ Питакэвэ-гу угивувдави, намалва-гу намадави.

Ороро униечивденгэ бимчэ, улукил бичэл бисиктын.

Омактала ороро эт-та эденгэ униеврэ бичэн.

Тар долбонингаду, Питакэ энинмэн бунируксэл, дюктэ дюкчал холоктодук харандук омактала уриkitтулэ нулгичэтын.

Микчанча дяллэли омактала уриkitтулэ нулгичэн. Нунган авгарамама бичэн. Нунган аитkitту хукулэденэ бургучэ.

Питакэ Микчанчавэ ичэрэкин, кэсэн ургэпчутмэр оча. Тыкин нунган аят сача, нги энинмэн тынэвэн. Саман энинмэн тычэн. Ами самандула энэ сурурэ, аитkitтула сурувчэ бисикин, Микчанча аминин онагачинин, тэли эни индечэ бимчэ.

„Аитkitту нунганман айчал бимчэл, нунган Микчанчагачин авгара бичэ бимчэ“. Туги-дэ аминин гунчэчэн, авгарачавэ, бургучэвэ Микчанчава ичэтчэнэ.

— Тар ады-вал анганил амаски бичэн, — татыгамни-аси гунэн. — Эсикэкэн-дэ нян кэтэ бээл биси, самасэлвэ тэдедевкил, халдун-да аитkitту аичивдянгадук саманду аичивувкил. Кэ, таргачирду бээлду Питакэ энинэ ачин эмэнмунэвэн улгучэнивкэ, нунгартыкитын мангичадяна улгучэнивкэ религиознаил суевериял, самасэл эрулвэтын.

— Либгорик Садаулевна, — асаткан Матак татыгамнидукви хангунтаран, — урэ Кемури Иванович, муннгиду класстувун биденэ, гундечэн, самасэл эласа-да кулакил баясал тонгнол бэлэмнилтын бичэтын.

— Тэде, — Либгорик Садаулевна, гунэн. — Самасэл эласа-да баясал бэлэмнилтын, дядангил булэсэлтын бичэтын. Дёнкаллу, этыркэн Калтакан саманмэ Ленгамава митту эва улгучэннэвэн.

— Дёнчадярав! Дёнчадярав! — кунгакар екэсинэ.

— Либгорик Садаулевна, — Матак гунэн, — амака Калтакан мунду пионердыду отрядту кэтэвэ, кэтэвэ улгучэндечэн, эва нунган ичэнэви улгучэндечэн.

**АМАКА КАЛТАКАН ТАТЫГАВДЕРИЛТЫКИ
КУНГАКАРТЫКИ ЭВА УЛГУЧЭНДЕЧЭН**

— Самасэл эласада баясал туринмучэвунтын бингкитын, — холокто безбожник амака Калтакан, дагадутын тэгэтчэчэ, татыгавдерилтыки кунгакартыки гунэн. — Тыкин-дэ, амаски-да самасэл, баил тонгноткул бэлэмнилтын бичэтын. Умукэнтын таргачинма дялдачан: баяннун гулдымэчиксэ, упкатва дядангилва дёромодови.

Упкатватын улукингилвэтын гамудячан. Баясал торгосал бичэтын.

Калтакан кармандукви хэгдивэ могдыви урисинан, тараду дамгая (саръе) сичинэ, танилдави (дамгатылдави). Тадук дёнчан таткитту тэгэтчэриви, тала эвкэвэ дамгатыдыра, могдыви кармандуви дычэн.

— Амака, улгучэкэл! — кунгакар нунгандукин эечиллэ.

— Е-е, туг-дэ-ты бигин, улгучэндем! — Калтакан гунэн.

Кунгакар сагдыва этыркэнмэ сот явденгкитын нимнгакарэ, аямамат улгучэннэлин, эвэнкил бодовотын упкаттук аятмарит улгучэннэлин. Нунган кунгакартыки улгучэнэн, он умнэкэн саман баянун дядангилва эвэнкилвэ улэкинэвэтын.

— Тар гороконду бичэн, агиду советыл ачир бингэситын. — Калтакан гунэн, кармандукви юувчэвэ могдыва булденэ, сагданчалди инамуктачилди эсалдиви кунгакадылва хусивчалвэ дылилватын, хуламалва пионердылва галстукилватын ичэтчэнэ.

Тадук Калтакан амакан дялдачиллэн, эвал иргэдуви гэлэктэдеригэчин.

Кунгакар, амакатки дагамаксал, улгучэллिवэн алатчэчатын. Калтакан аракукан улгучэллэн.

* *
* *

Хомоты эгэлгэдук буктундыгэчинин — агиду элэкэсиптыл ненгдэлэл олла. Мучуктэл буруллэ, хулама тыгдэгэчин. Бэюсэл нямапчулвэ тэтыгэлвэр тэттэ. Илэл бэюмэткитту итыгалчатын.

Муннгиду уриkitтувун наданну бичэн. Кэтэдытын дядянгил бичэтын, уриkitтувэр бидеридук баясалдук камавчал.

Умнэкэн бу, умупиксэл, нгиду илэ бэюмэткитъен улгучэмэчилчэвун.

Баян бэюмэчимнилдулэ дагамакса, гундерэн:
— Мит саманэ ачинди эрэвэр этэп гулдымэчирэ. Экундук мит сарэп, илэ эси бэюн нулгинэвэн, иду тугэдекичин бисивэн. Эрэвэр энэл сарэ, он-ка митгулдымэтчэнгэт, илэ бэюмэттэвэр. Кэнэ-кун саманмэ зеткэт, нунган мэннгилви сэвэсэнгилви — бэлэмнилви унгдэн, агива ичэтэтын, садан эси, иду бэюн бидеривэн. — Симуламалчакса, хаврэн: — Эласада туги митнгил амакалты одянгкитын, эрэвэр итыва мит-тэ эгэт сукчатмура.

Бээл мэмэгилнунмэр улгучэмэчиксэл гэдырэ, саманмэ эрирэ, момалва делилвэ, укэнгилвэ, гагилвэ, авадытыкирва хунгтулвэ бэюрвэ, дэгилвэ, оллолво ора. Тадук саман сэвэнчэллэн.

Саман адыллава-вал тырганилва сэвэнчэдечэн упкатва улгучэндечэн иду, ады бэюр бидеривэтын.

Илэл гайкандечатын, саман турэрвэн долчатчэнэл. Сомат гайканнгэн бичэн. Бэюмэтчэрил упкачидитын асилгалди улукил Катэнгаду эр аннганиду эденгэл ора бичэтын.

Саман гундерэн: „Агитка — аги эденин, Катэнгала улукилвэ тасчаран“. Бэюмэчимнил тангдечатын, упкат улукил Чункулэ нулгинэвэтын. Саман гундерэн: „Талак эласа-да упкатва улукилвэ тыкупчу сэвэн-харги илбэчэ“.

Илэл саманмэ тэдексэл, бираялдули саман силбатнагачинин хуелдылчэл.

— Би, — баян гундерэн, — Чункулэ сурудем. Минду тысячал ороп, талавэр Чункуду аял лавиктал. Орорви тала онгкодэктын. Экун дярин минду бэюмэткит.

Баян эмукин бираяла Чункулэ суручэн.

— Кэ, прощай, Иркутма! — хулукукэнтыки Иркутатки асаткан Чиярик гунэн. — Хэгдымэ-

мэлду ингирду бакалдыдянгат, бэюмэткит этэврэкин. Тэли ая-да бидеми одянган: бэйнгэксэт товарила гадянгатын: бурдукъя, маслос, сахаръя, сукное сурэ дяритьн, чиктые, тудямала имэннэлэ... Оронду угилдянал, нунгартын, тангдяхатын, ванэлдитын эя гавдянгаван. Тадук нунгартын, мэмэгиладувэр нгалэлдивар арпулисниксал, дарискитанэ хуелдычэтын: Чиярик аминин бирятки Юктутки нулгисинэн, Иркума аминин Юктукэнтыки.

— Юктукэн упкатван урэлвэн гиркуним, — Иркума аминин гунэн, бэюмэтчэксэ, долболтоно тэмэлкэнду нгэнуденэ — улуки ачин-да ачин.

— Бэюмэчин городу илтэнчэн, он-ка хата эя-да эчэс вадерэ, — ванэе ачиндин хивиндяна Иркума энинин гундерэн.

Тар долбониду Иркума аминин горово бадечан асиндеми. Нунган гулувунду горово тэгэтчэчэн, гекиви могдыви тандечан (дамгатыдячан) мэнми ханнгуктадячан, они часки бидэви.

— Агиткаду аникал, — Иркума энинин гунэн. — Нунган Юктукэндулэ улукие арамакан тасимча-вал.

— Би нунгандун синнгивэ шелкмае платъе анидым, эмэвкэл! — Иркума амиңин гунэн. —

Си-кэ саденни, Агитка элэ аяли аиндули дяв-киван.

Иркума энинин симуладечан. Нунган платви сомат эвлэндечэн. Эми-вал эя-да эденгэ овра бичэн. Аятмар анин ачин бичэн, нунган гэдычэн.

Тыматнэ нунгартын, аяткува шелкмава платвэ гугдаду нгиннуканду лококсол, аги эдендукин эечилчэтын, нунган Юктукэндулэ улукилэ тастан. Эми-вал тар эчэн бэлэрэ, Иркума аминин амаскиптыгачин дюлави эя-да ачин мучунгкин.

Тэли нунган самандула сурудэви дялдарэн. Боло саман гунчэн, Юктукэндулэ бэюминэдэв.

Нунган, самандула эмэксэ, эрут бэюмэтнэ-ливи улгучэллэн.

— Агиткаду анин-да эчэ бэлэрэ,—самантыки Иркума аминин гундерэн.—Тыкин эя олдянгав?

Саман дялдачэрэн, эсалви нимниксэ, гунэн:

— Би аят садем, Агитка Юктукэндулэ кэтэвэ улукилвэ тасисиннаван. Улукил хата-да ачир бисиктын, экун-мал оран.

— Экун-ка оран?—Иркума аминин самандук ханнгуктаран.

— Харги сачан, си Юктукэнду улумимуде-

ривэс, тарит Юктукэндук упкатва улукилвэ тасисинчан. Харги Агиткава улэккинэн.

— Эт-ка минэ тыкундяран Харги?—самандук ханнгуктаран.

— Эчэв сарэ,—саман гунэн.

— Эя-ка би олдялим?—нян ханнгуктаран.

— Харги, Агиткадук энгэситмэр оракин,—саман гунэн,—си эси Харгиду аningатыс, нунгандукин, улукингмэс амаски илбэдэн, зетчэнгэтыс. Нунгандун ороно аникал,—саман гунэн.

Иркума аминин дюлави эмэксэ, саман гунэ-гэчинин оран: оронмо варэн, ирэксэвэн хигрэн, дюви дагадун ирэксэвэн гугдамамаду нгиннуканду локорон—Харгиду аниран.

Эси дю дагадун дюр локоптыр локучадячатын: умукэн Агиткаду, уликие будэн, ге Харгиду, улукилвэ тасчариду.

Бэел адыра-да зеттэктын-дэ, Агитка-да Харги-да эчэл бэлэрэ.

Дептылэлтын манавдячатын, нунгарватын гавка бичэн. Эт-та эденгэ гавра бичэн.

Упкачитын улукил нямади калтакадук угут-мэр (адытмар) вавчал. Дёгочин, дему дагама-дечан.

— Таргачиндук бэюмэчиндук демут бу-
вденгэ, — Иркутма аминин гундечэн, кэсэгивуксэ.
Умнэт Чивакан уриkitтулэ эмэрэн.

— Си, эва Юктукэндун алатчэнни! — Чива-
кан тэпкэсинэн, угучактукви микчаннэ, иллан.

— Саманъя-кэ баяннун митвэ улэкичэл,
Чивакан гунэн. — Эрэвэр упкат эвэнкил сача-
тын. Упкат Катэннга ангидадун улумичэл,
хунгтулдулэ дуннэлдулэ суручэл. Улукингье
ачин энги эмэнмурэ. Юктукэндук сурукэл,
хунгтулэ дуннэлэ нулгикэл, — Чивакан, дюла
иденэ, гунэн.

— Кэтэвэ-гу упкатван ванни? — дюду ирэ-
ксэду тэгэденэ, пуртави тэриндин хэмчурэдудки
чэмбэрэчэвэ сингилгэнмэ хэмулгэлденэ, Чива-
кан хангуктаран.

— Нямади калтакадукин угутмэрвэ, — Ир-
кума аминин дяврэн. — Эр анганиду бэюмэчин
эру, бэе, — нунган хаврэн.

— Кэ, [баянги бэюмэчинин эчэ-дэ эру би-
си, — Чивакан гунэн. — Э! Он-ка нунган эден
улумирэ, нунгандун улукил упкачитын: Чункуду
улукил чунмилдук кэтэтмэсэл.

Чивакан улгучэнчэн, он саман бэлэчэн баянду,
дядангилдук улукивэ дёромодон.

— Баян, — Чивакан улгучэндечэн, — мэн-
нгилви дядангилви унгчэ, Чунку даптулан
олломоттотын. Нунгардутын маннимат тэ-
руча, нунгартын дюганива упкатван улуки
илэ нулгидеривэн сипкитчадатын. Туги-дэ
этэечимнилин одячал, оорорди агилдули нулги-
ктэденэл.

Бэюмэткит оракин, баян, садечагэчин улуки
упкачин Чункулэ нулгинэвэн, мэндулэви са-
манмэ эриксэ, гунчэн, тар саман алтаттан, бэл
Чункулэ эдэтын бэюмэтнэрэ.

„Си нунгартыкитын гукэл, сэвэсэл Ка-
тэннга калтакалин упкатту бэюмэчивкэндери-
вэтын“, баян самантыки гундечэн, нунганман
алапчут уманди туютчэнэ.

Туги-дэ саман очан. Дядангил улукилэ
ачир эмэнмучэтын.

Демут бивулчэн. Уриkitту буливсипчу очан.
Нюркучал нгинакир бунидечэтын, бэл мэн-
нгивэр дялъя ачинмар тыкундячатын, хулуку-
кэр кунгакар демудук сонгодёчотын, девдэвэр
зетчэнэл. Иркутма мэргэвсипчут сонгодёчон.
Э, нги-кэ нунган бимнэдун эмчэ сонгоро.
Упкатван нунган бэйнгэксэт униемунэвэн, бэю-
мэчин илтэнэкин, — сукнэе сунин дярин, кон-

феталва, алапчува багдамава аладива — упкатван, саман нунгандукин тыксэ, баянду бучэн.

— Упкатван, упкатван тыкупчу саман тычэн, — Иркума сонгодёно мэклэви сивутадечан, энинин девувунэ, хеки улдаксадукин хукувнэвэн унгутчэнэ, силэмивэ хуовдерэкин.

Тыматнэ-нун нунгартын умунупиксэл, Чиваканнун умукэнду дюкчатвар бира Катэннга баргидалан нулгисчэтын. Омактаду урикутту, Чивакан нунгарватын эмэвнэлэн, улукил кэтэ бичэтын. Иркума аминин адыллава-да улумиденэ, энгкин дюлави эмэрэ.

Нунган гулувундуви сингилгэнду аденгкин. Хактыралдалан улумиденгкин. Тымани нгэрин агива арамакан нгэригкэнэкин, [нунган мэнгилви суксиллави тэтынгкин, нян [агила туксактангатын, иманнаду хулукукэн бэйнгэкэн удялван гэлэктэденэ. Туги нунган илтэнмунэлви боконмукандави элэдэденгкин.

Бэюмэчимнил саман улэкичтэлдулин сомат болгочотын. Нунганман холоктолдули итылдуливар унгикилдымудячатын.

Эми-вал] баян саманмэ элбэтчэн. Баян саманмэ онтанэ тэденгдэви, элбэттэви элэдэденгкин. Нулгиктэдерил дядангил нунгандун

камачивдянгкитын, тарит баян бэюмэчимнилвэ сомат нгэлэвкэчилчэн.

Туги саманъя баяннун мэмэгиливэр бэлэмэтчэнгкитын, ге гева элбэтмэтчэнгкитын.

Бэюмэчимнил саманъявэ, баяннунма валарэ, тумина. Тэли энги эя-да овра бингкин.

* * *

— Тэли упкачин энгэси — власть нунгарнгилдутын нгалэлдутын бичэн, — Калтакан гуниксэ, симургаран.

Тадук минутава дэрумкичиксэ хаврэн:

— Баясал бээлвэ тырэттэтын эюмдымэр бидэн, саман баяннун онтанэ элэдэденгкитын, бээл мэмэгилинунмэр аксаматтатын. Бираяду Ниручанду таргачин бичэн.

— Амака улгучэкэл! — кунгакар Калтандук эетчэтын.

Калтакан дамгат могдыви (ганчави) тэвуксэ, инемулдеденэ гунэн, — эр могдыканми тандексэ, (дамгатыдякса), улгучэнделим. Гуниксэ, амака Калтакан комнатадук юрэн.

Могдыви таникса, нунган кунгакардула мучуран, тадук нунгартыкитын бираяду Ниручанду экун бинэвэн улгучэллэн.

НИРУЧАНДУ БИРАЯДУ ЭЖУН БИЧЭН

Хэгдыл ингисэл илтэнчэтын. Тыргани нгонимилчан, долбони уримилчэн. Дюкчаду нямалчан, сангняндями этэчэн.

Амакан ненгнелденгэн. Агиду бээл сэвдепчутмэрит биделчэтын.

Дылача унэтмэрит мелингийн, амакан энгийн асинмалчара. Тыматнэ унэ урэлдук угэлэнгийн. Чутумали нянгняли угэлэдэнэ, нгэриуэлингийн, нямалгилингийн, ингиндук хемуриуэчавэ агива уннгиденэ.

Туги некэдерэкин, дылача сотмарит хэкулгиденгкин. Дылача сотмарит хэкулгиллэкин, аги сотмарит арудянгкин.

Мол умнэт умкактат авувчатын, таравэ дуннэлэ нодаксэл, нгангтал, тактыкар мучуктэдитын чулбаргалчатын. Нгэкэл мэннгилвэр сингилгэмэлвэ авурвар угирчэтын. Мучи сингилгэн агиду дуннэткы каптарачан. Дюкчала элэкэсиптыл ненгнерил модыл чургисиктал угдусилчэтын.

Бира чулбаргачавэ дюкэвэ мэндукви даптугидаткиви асаран. Тадук урэлдук эенчэт мут хэмпургэрэн, гугдалва дяпкалви мудэксэ, нисималва, чипчивчалвэ дюкэлвэ эенмусчэн, ороу кэнггиндеригэчинтын, дюкэлди кинггиндяна.

Нюнгнякил, чивкар, гагил улбулилтын бирава солоки дэгденэл, дэгдечэтын. Энэл симургара тэпкэртын ултанденгкитын.

— Эр-кэ горово алачивдяча ненгнени оран, — бээл гунденгкитын, олломочилдянал.

Урикигту бираяду Ниручанду, чивима бичэн. Кэтэ бээл бичэтын. Тар бирая оллочи бичэн, кэтэ бээл элэвэр олломоттовар эмэчэтын. Элэвэр олломоттовар Алдынчая Атавулунун эмэчэтын. Нунгартын умукэнду тугэ нулгиктэдечэтын. Умукэнду ненгнедэвэр гулдымэтчэл.

Ниручанду уриkitту нунгартын дюлвар хунгтул эвэнкил, холоктол сарилвар, даранду-тын очал. Олломоchилла.

Уриkitту гиркилэнэл, сэвдепчут бидечэтын.
— Кэпкэнчэ! Кэпкэнчэ!—асаткан тэпкэллэн.
Кэпкэнчэ лукидукви гарпадячан.

— Миндулэ химат суругэт! Би синду хэг-дывэ деливэ ичэвкэнденгэв. Эси долбо аминми хэгдывэ деливэ вачан. Суругэт, би синду ичэв-кэнденгэв.

— Миннгиду хиннадув таргачин хэгды дели тагача бимчэ,—Кэпкэнчэ гунэн Тамнариква хангидяна дюкчалан.

— Эр-кэ синнгивэ илбинмас сенгар эвкил деврэ бисиктын,—инектэденэ Тамнарик гунэн,—си, деливэ дявача-вэл бимчэс. Олломоchимни-кун!—игдытмэрит инектэксэ, дюкчалави угду-стэн, мэннунми Кэпкэнчэвэ хангивдяна.

Нунгартын кэтэвэ аннганилва умукэнду нулгиктэдечэтын, кэтэ дюкчамил агиду нгэнэ-вэтын самэлкидерэ. Гиркилэнтын умукэнду нул-гидеридутын итывувчан, тарингитын омакта-тыкинду уритkitту энгэситмэр, энгэситмэр одянгкин. Уриkitтулэ эмэксэ, саман илэлвэ упчувкэндэлэн, нунгартын Ниручанду уриkitту

умунду амаргумамаат бидечэтын. Тар туги ноно-вулчан: уриkitту нимэктын омологи Чэргэнчэ энунилчэн. Хэгдымэмэ дели нунганман дявдук кумтэмэктэ бичэн. Чэргэнчэ адылдукви деливэ эюмкукэндулэ дявдулави урисинилча, дели лап-чатви арпуликса, Чэргэнчэвэ дявдук кумтэчэ, тадук нунганман амардукви му долини ирусча...

Чэргэнчэвэ айчатын. Сомат донготоcho бинэ-дин хэмурипчули дюкэгэчиндули мули тыса-ктадяна, амакан сомамаат энунилчэн, буденгэгэ-чин окнанми.

Чэргэнчэ аминин саманнгиллави Бокотоло суручэн, нунганман уриkitтулэви эмэвчэн, энудеривэ омологиван сэвэнчэдэн.

Дюллэвэ дэрумкичэксэ, оллолво, дэгиwэ айвукнанми дэпиксэ, энудериклэ Чэргэнчэклэ сэвэнчэлчэн.

— Эсиккэн,—саман гундерэн,—би мэн-нгилви сэвэннгилви унгделим, авадыл сэвэсэл Чэргэнчэвэ девдерилвэтын садатын. Миннгил сэвэннгилви Чэргэнчэ удялин, нгинакиргачир, туксадянгатын тыкупчувэ сэвэнмэ бакадян-гатын.

Саман долбонива упкатван тыкупчува сэвэн-мэ гэлэктэдечэн, мэннгилви бэлэмнилви—сэвэн-

нгилви Чэргэнчэ аминин нулгиктэдекилин, ури-
кичилин даригидалдулатын унгингкин.

Геду долбониду саман тыливкэчэн: нунган-
нгилин сэвэсэлин — бэлэмнилин тыкупчува сэ-
вэнмэ дяванаватын, нунганман эденгэт нгэнэврэ
курет готанаватын. Самады тэркэ нунганман
таду-да дуннэду аркича, тыкупчу сэвэн эдэн
сучара.

Саман геду долбониду бээлтыки гунэн,
Чэргэнчэдук энумукин сэвэнмэн эрэснэви, мэн-
нгиви сариви, нги эрэвэр сэвэнмэ уричитту-
лэтын унгнэвэн.

— Гукэл, нги? — бээл самандук ханнгу-
ктара.

— Тар харгива — саман гунэн, — уричитту-
лэсун Лопокол самасэлтын унгчэтын — саман
Микэул тадук саман Дедулкэ.

— Куркэгирил, нгэлдускэллу! — саман илэлвэ
нгэлэвкэчиллэн. — Лопокол упкатвасун ватчэ-
нгатын. Нунгартын самасэлдивэр суннун кусил-
денгэтын. Сундулэ сэвэсэлвэр унгденэл, сунэ
вачилдянгатын.

Бээл саманмэр тэдерэ, **Т**сомат Лопоколди
тыкулчатын.

— Бээл, — Чалдуча екэчэн, — митту умукэн

бэе бисин, Лопоколдук. Эр-кэ ичэткэллу, Атаул илитчаран.

— Атаулва экэллу илэчэрэ, — Алдынча Куркэгир гунэн, — нунган эчэ эручи биси.

— Эсин, нунган эручи! — саман гунэн.

Куркэгирил туксанчэксэл, Атаулва уриkitтук эрэсчэтын, нунганнунин умукэнду Тамнарик сурулдычэн.

Бэел, учэлэ аят гиркилэнди бидечэл, эси мэмэгиладувэр булэсэл очал, мэмэгилавэр валдыматчэнгал ора. Упкаттун саман виноват.

— Эва эрувэ очан Куркэгирилду Тамнарик? — аминдукви Кэпкэнчэ хангуктадячан.

— Синду-гу, тэгэрилдус-ку Атаул эя-вал эруе очан? — Кэпкэнчэ хангуктадячан.

— Нунгартын аял бэел бичэтын, аямамал бэел бичэтын, Кэпкэнчэ. Би-дэ нунгарватын эвлэдем, — аминин дяврэн.

— Эда-кэ су нунгарватын уриkitтук эрэсчэсун? — Кэпкэнчэ аминдукви хангуктаран.

— Эр упкаттун харги саман виноват. Нунган бэелвэ Атаулнун упчувкэнэн, — Кэпкэнчэ аминин гунэн. — Атаулва уриkitтук эрэсчэнгэдук эрэвэр улэквэ дянтаки-саманмэ, уриkitтук эрэсивувкэ бичэн.

— Тынгариптыду дюганиду Куркэгирил самасэлтын Куркэгирилвэ остякилнун упчувкэчэтын, боло нунгартын Куркэгирилвэ Момолнун упчувкэчэтын. Эси саман Бокото нунгарватын Лопоколнун улчувкэнэн. Туги тэгэды булэнмэчин нгэнэдерэн, — Атаул гунэн.

* * *

— Агидук эмэчэ амака Калтакан таткитту митту эва улгучэннэн, — татыгамни-аси дагадун тэгэтчэчэлтыки кунгакартыки гунэн, — ичэвкэтчэрэн религияя саманнун эласа-да баясалду бэлэдеривэтын, тадук бэлэмнилтын, тургэтын бисивэтын.

— Великай Октябрьды социалистты революция илтэнчэлэн, Север советты оракин, бини агиду хунгуптэн. Советты власть — хавалдярил властытын, агиду эвэнкилду омактая итыя, омактая биние итывчан „сингкэчивэ итыва“ очан, туги эвэнкил гунингкитын. Баясал-кулакил, самасэл омактава итыва энгкитын аяврэ. Тарит нунгарватын энгэсие ачирди очан, дядангилва эвэнкилвэ тырэдеридуктын освободичан. Кулакил, самасэл эвэнкилвэ хуски, советтывэ властвэ хуски нгорчалчатын. Тар нгорчандувар

нунгартын эвэнкил тэдедеривэтын бэлэмниевэр бакара.

Су, садес, они самасэл, баясал митнгивэ таткитват хуски нгорчадянаватын. Су садес, он самасэл, баясал аяткитва хуски нгорчадянаватын. Су садес, он нунгартын митнгивэ Райисполкомма, национальнэйлва советылва хуски нгорчадянаватын.

Мит таткитту кэтэрэ эливэр гундечэт. Кэ, эливэр тэдедерилду улгучэнденгнэкэллу, религия, самасэл авадыва эрувэ эмэвдеривэтын ичэвкэтчэнэл, — татыгамни-аси, хавукса, иллан, амаски мучусиндави сурумудеригэчин.

Минэ, нунгарнунтын умукэнду экскурсияла гиркудячавэ, амаргуптылин турэрин сот дивэвкэчэтын. Тар дярин би татыгамнидук, кунгакардук эечилчэв, нян арамакан эду тэгэттэвэр, тар упкатван нян улгучэндэтын. Татыгамни-аси эечинмэв дялупкидави урунчэнэ гэдырэн, кунгакар тыссэмэтчэнэл санэлвэр улгучэллэ. Упкат, умнэт-тэ улгучэлчэтын, мэмэгилвэр-дэ эденэл гунмувкэндэрэ, би аран-аран нунгарватын тылдечэв.

Эр-кэ нунгартын минтыки улгучэнчэтын.

ОН САМАСЭЛ ЭВЭДЫВЭ ТАТКИТВА ХУСКИ НГОРЧАДЯЧАТЫН

1929 анганиду Баякиттыла эвэдылэ райондула элэкэсипты татыгамни эмэчэн.

Нунган илгатви дулуг бэе бичэн, хутама, гургактая ачин дэрэчи, сэвдепчу комсомолец бичэн. Балдынадукви дянегин анганингичи бичэн. Элэкэсиптыду эвэдыду факторияду — Кузьмовкаду, илмакта эвэды татыгамни элэкэс эвэнкилнун ичэлдычэн.

Ичэлдыксэл, доровалдычатын, могдылвар (ганчалвар) дамгатывуксал, энэл хэлинчэрэ

дамгатылчатын (танилчатын), туги-дэ энэл хэ-
линчэрэ улгучэмэчилчэтын.

Эвэнкил гайканденэл эмэмэктэвэ бэевэ
халгардукин дылмактулан ичэтчэчэтын. Нун-
гартын эчэтын гайкандерэ эмэмэктэ мэннги-
дитын турэндитын дорованадин, кэтэ хунгтул
эрэвэр одями савкал бичэтын. Гайкандечатын
илмакта татыгамни аракукан, энэ хэлинчэрэ,
иргэдуви эвэдылвэ турэрвэ дёнчадяна, нунгар-
нунтын мэннгэдитын турэндитын турэчилчэн.

Татыгамни эвэнкилду сомат аявувчан. Ине-
мулдеденэл нунгартын аявнэл мирэлин икту-
ктэнгкитын дамгатвар (харитвар) туютчэнгки-
тын, ганчангман амтаксингкитын.

Тадук дюлавэр эричэтын, тала туютчэтын.
— Эдук си турэнмэвун санни? — этыркэр
умунтын татыгамнидук хангуктаран.

Мата тыливкэнэн, он нунган эвэнкилвэ, ту-
рэнмэтын Ленинградту салча, часки аятмарит
салдедави Ленинградтук эвэнкидулэ эмэчэ. Нун-
нган таткитва итывулмачинин эвэнкил хутэлвэ-
тын татыгалмэчинин.

Долбони дулиндулан тэгэтчэнэл дюкчаду
улгучэмэтчэчэтын, мудана ачинди улгучэмэт-
чэчэтын.

Тыматнэ илмакта татыгамни суручэн. Нун-
нган часки бирава солосинчан, хэлинчэденэ
халга эделин ора, райондыла центрэлэ истави.
Тала нунган элэкэсиптывэ эвэдывэ таткитва
омачинин.

Нгэнэчэлэн, амардукин агили упкаттулин
улгур ингнуллэн — эвэнкилдулэ татыгамни
эмэчэ.

Упкат сендаденгкитын агила элэкэсипты
эвэды татыгамни эмэричэн. Улгур агили улта-
гачин ултадянгкин.

Полигусту, Кузьмовкадук чагуду эвэдыду
факторияду, умукэн баян ороорво этэечимни-
лин элэкэс эливэр тылчэтын. Нунгартын мэн-
нгилдивэр сэсисэлдивэр упкаттук дагатмарит
Кузьмовка эвэнкилдун нулгиктэдечэтын, тарит
элэкэсиптыл тылчэтын. Нунгардуктын баян ню-
нгэтын, нунгандун ирэмэтчэчэ хэгды саман тыл-
чэтын.

Торгон баян, улэк саман, эрэвэр улгурвэ
орорво этэечимнилдук долдыксал, мэргэсин-
чэтын.

— Эчэлвэ алагувчал биси бэелвэ улэккими
эюмкундымэр, — баян самантыки гунэн, — нун-
нгарватын нгэлэвкэндеми, тырэдеми эюмдымэр.

— Тэдевэ си гунденни, — баян турэртыкин саман дярэн.

— Нунгартын гулдычэл, он татыгамниду тадук таткиттун эрунгдэвэр.

— Бээлду тыливкэнмукэ, нунгартын мэрнгиловэр хутэлвэр эдэтын таткитту бурэ, — баян гунэн.

Саман нунганнунин гэдылдырэн, дылви унгкилбуденэ, алапчува оронгиви тынгэнмэн кикчана.

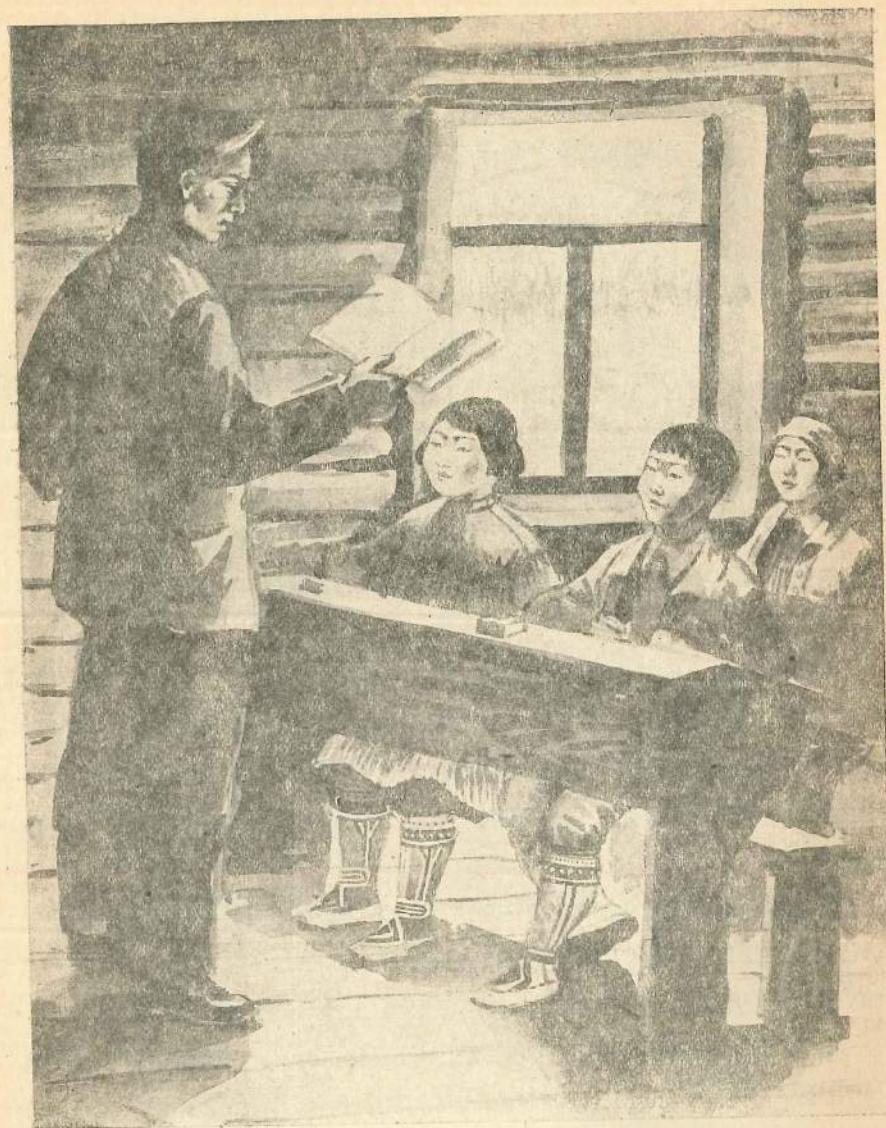
Саман амакан суручэн. Баянтыки гунчэн, нунган эдэн этэечимнилдуви улгучэнмукэнэ, эва нунгартын Кузьмовка эвэнкилдукин долдынавар.

— Эда эвкэ углучэнмуврэ таргачинма аямамава улгурвэ? — этэечимнил мэрдуквэр хангуктадянгкитын.

Туг-дэ бисикин, нюнгэтын нунгартыкитын эя-да эчэн гундерэ, нян ипкэрэн нунгартын эдэтын эва-да улгучэнэ.

Адылла-вал тырганил илтэнчэлэтын, саман мэннгидуви уриkitтuvi хэгдывэ сэвэнчэнмэ очан.

Нунган бээлвэ унгчэн, нунгартын тэгэду эливэр тыливкэндэтын. Тарил угучакласал

уриkitтук уриkitтулэ гиркудянгкитын, бэелду сэвэнчэнмэчинмэн улгучэнденгкитын.

Кэтэ илэл сэвэнчэнду умунупчэтын.

Саман сэвэнчэрэн, сэвэнчэрэн дэрумкичэрэн, нян сэвэнчэрэн, тадук далулдяна бэел дюлэскиптивэтын ичэчиллэн, тадук сэвэсэлви — бэлэмнилви гуннэлвэтын тэдэвуллэн.

Эдувэр саман эвэнкилтыки улгучэнэн нунгардулатын татыгамни эмэдеривэн. Тар татыгамни, таткитъя иливукса, эвэнкил кунгакарвэтын татыгалденган. Саман татыгамни дэрэвэн гунэн: илгачи бэе эмэденгэн, сома илмакта. Дэрэн лучады лучадыт-тэ, эвэдыт-тэ улгучэмэтчэрэн.

Саман упкатван улгучэчэн, баян хавамнилдукин санэви, элэ умукэнмэ эчэн гунэ: эчэн гунэ сэвэсэлин энэвэтын эр улгурвэ нунгантыкин улгучэнэ, баян хавамнилдукин долдынави.

Саман могдыва (ганчава) эеттэн. Нунгандун танмувчавэ могдыва бурэ. Саман этэтмэлчэкэсэ улгучэндеми, аракукан дамгатыллан.

Бэел долчатмэл одячатын. Нунгартын энэл мангичара, саман улгучэлливэн алатчэчатын. Саман, эрэвэ саденэ, аракунгдячан улгучэндэви.

Тадук нунган амарултат адыра-вал дамгатычан, могдыви аливан, дылитви чимбэрокса, улгучэллэн:

— Сэвэсэлви, — саман бэелтыки гунэн, — нунгнитчэрэ, су мэргилвэр хутэлвэр таткитту эдэсун бурэ. Сэвэсэлви ипкэрэ, сунтыки гундэв, су мэргилвэр хутэлвэр таткитту бурэксун, кунгартын упкачитын бутчэнгэтын. Дёнчакаллу, — саман нгэлэвкэчиллэн, — хутэлвэр таткитту буденэл, су кунгакарвэр тэдеду букитту булденгэсун.

— Эда? — нунганман долчатчэрил, эвэнкил ханнгуктара.

— Он-ка, — саман дяврэн, — [кэ, мэрсун тылкэллу, — саман нунгарватын таткитва хуски сипкуллэн.

— Таткитту гулувун биденгэн? — саман ханнгуктаран.

— Этэн, — илэл дяврэ.

— Таткитту печил илачивулдянгатын? — саман нян ханнгуктаран.

— Печил, — бэел дяврэ, энэл тылдерэ, эда нунгарватын эливэр ханнгуктадариван.

— Того мусунин иду бидерэн? Чимкадун? — нян ханнгуктаран.

— Е-е, — эвэнкил дяврэ, тэдедечэл, того мусунин бисивэн.

— Кэ, тар-ты сэвэсэлви сунтыки гундерэ, хутэллун буденгэвэтын, су нунгарватын таткитту бурэксун. Таткит-ка печилдун того мусунин этэн бидерэ, — саман тыливкэссэлдечэн. — Того, дю мусусэлин хутэлнуннун этэрэ сурулдырэ, биделдырэ, этэрэ хутэллун удялительн таткиттула сурурэ, этэрэ печиду бидерэ. Тэли нги-кэ суннгилвэ хутэлвэсун тыкупчулдук сэвэсэлдук этэчилденгэн? Су таткитту бурэксунун, сэвэсэл хутэлвэсун энумукит девденгэтын.

Горова саман нунганман долчатчэчалвэ эвэнкилвэ сипкудечэн.

— Дёнчакаллу эрэвэр, — саман гунэн, — упкатту хунгтулду тыливкэкэллу!

Кэтэдытын эвэнкил, мучусэлвэ тэдедечэл, саманмэ тэдексэл, дялдарэ мэрингилвэр хутэлвэр таткитту эдэвэр буттэ.

Нунгартын эчэтын сарэ, экумал-да сэвэсэл ачин бисивэтын, эласа-да нунгартын ачир бисивэтын. Эчэтын сарэ экума-да того мусунин ачинман, эласа-да ачин бинэвэн, туги-дэ экумал-да тыкупчул сэвэсэл энумукингмэтын. Нунгартын эчэтын сарэ, тар упкачин — религиознаил

суевериел бисивэтын, тарит нунгардитын нгэ-лэвсими хитэклэ, самасэл улгурилвэтын эвкэ тэдедеми.

Нунгартын эчэтын эрэвэр садерэ, тарит упкатва сэвэсэлвэ, мучусэлвэ тэдеденгкитын, тар дярин саманмэ тэдедечэтын.

Татыгамни эмэрэкин, эвэнкил ичэчэтын, нунган тэде-дэ сомама илмакта, дулуг илга бисивэн, эвэдыт турэтчэричэн. Саман нунганман улгучэннэгэчинин. Нунгартын сотмарит саман турэрвэн тэдерэ.

Нунгартын эчэтын сарэ, саман тар упкатван кузьмовскэйл эвэнкил улгурилдуктын тылнэвэн, энэ-вэл сэвэсэлдукви асуматыт тыллэ. Самасэл гевчатын сэвэнчэтын, бэелвэ таткитва хуски сипкулчэтын. Умун саман хэгдывэ сэвэнчэнмэ бираду Тайгаду окса, гулдымэтчэн, эвэнкил эдэтын татыгамнива агитки нгэнэвкэнэ, эдэтын нунгандун орооро бурэ.

Самасэл он-да элэдэрэктын, таткит хававан сукчадавэр, эми-вал албангкитын. Тар-да бисикин, таткитва ничэтын, татыгавувмачирва кунгакарвэ тавчатын. Тар дярин хэгдывэ тыливкэвунмэ хававэ онгат бичэн, хэгдывэ нгорганма туринмувнгэт бичэн.

Илмакта комсомолец татыгамни РИК-нун гулдыксэ, кооперациядук ороорво гачан, агили нулгиктэвунэви, бододу гэлэвдерилвэ идэгэлви бакачан, аги доткин, эвэнкил нулгилдулэтын суручэн. Талавэр сигикагду, сангняпчуду дюкчаду, нунган элэкэсиптывэ эвэдывэ таткитва ничэн.

Татыгамни мэннгиви тыливкэвунми хавави маннит, манникачивна нгэнэвдечэн, энэ этэдерэ илэлтыки самасэл улэкинэлвэтын улгучэндечэн.

Илэл илмактава комсомолецва татыгамнива сомат аявулчатын. Эвэнкил нунганман мэрнитвэр дагаткутвар, бэенгитвэр тангдянгкитын, упкатту нунганман тэдеденгкитын, самасэл нунганман он-да валадэрэктын-мэл.

Тугэни гедун калтакадун татыгамни татыгавумнилин мэннгивэр сангняпчува дювар эмэниксэл, омактала таткиттула нулгичэтын.

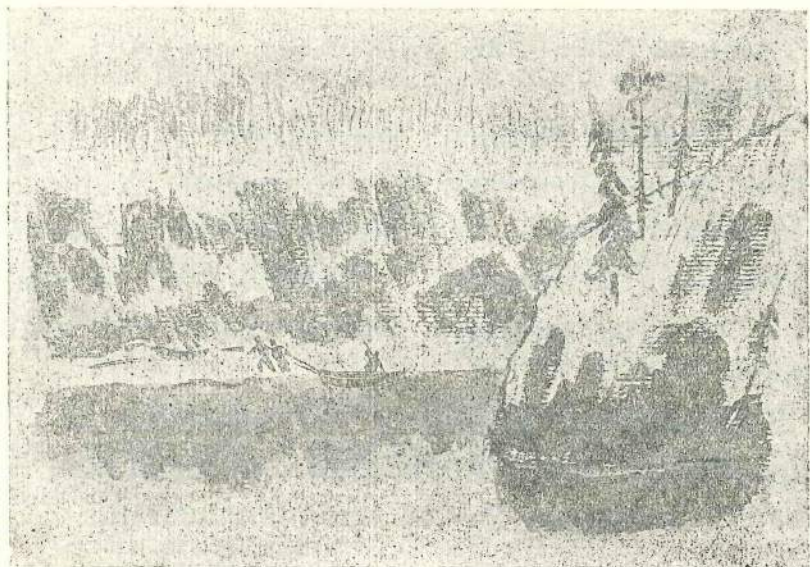
* *
*

— Самасэл эсикэкэн-дэ энгкитын этэрэ таткитва хуски нгорчадавэр, — дагадув тэгэтчэчэ асаткан Чиярик гунэн. — Элэ тыкин нунгартын эрэвэр делумитмэрит одяра, таткит дярин ава-

дытыкирва улэкилвэ улгурилвэ делумит улгучэндэнэл.

— Туги-дэ самасэл митнгилвэ аиткичилват хуски нгорчадянгкитын, — минтыки хуркэкэн Шиварчэ гунэн. — Элэ митту аиткит таткиттук унэтмэрит итывувчан. Элэкэсипты аичимни мундулэ татыгамнидук аннганимают унэтмэрит эмэчэн...

Кунгакар-да минтыки улгучэнчэтын он нунгардуталын элэкэсипты аичимни эмэнэвэн, он самасэл аиткитва хуски нгорчанаватын.

ЭВЭДЫ АИТКИР ЭРУПЧУТКУЛ БУЛЭСЭЛИН

Тар 1928 аннганиду бичэн.

Болони мудандулави дагамадечан. Тугэни тырганитыкин дагамакакутчэчан. Игдымал тыгдэчил туксул нгэкэл оёлвотын даликатчэчатын. Энэ этэврэ эпэнтыедери тыгдэ унгулбудечэн.

Тыгдэ тыманива эпэдыдечэн, тырганива-да, долбонива-да эпэнтыедечэн, адыканэ этэвуксэ, нян эпэнтыеденгкин. Мурэли хактырама бичэн,

ингинипчу, улапкун, эя-да дюлэски эденгэ ичэврэ бичэн.

Ингинипчу болор эдын мол дугэлдулитын эдынденгкин, нгэкэмэлдук урэлдук бира хексамалдулан дяпкалдулан эвденэ. Албиндули бирали кикэтчэнэ дэгдечэн, улапкундук ингиндук хиктэрэчэвэ нгэнэвэ донготонгдэно, гирамнамаюлан.

Хэгды, орачи бира Подкаменная Тунгуска мэргэвсипчу бичэн. Мурэлин урэл, сигимал агил бичэтын. Урэл оёлдугын хэпкэмэл туксул бичэтын, дяпкалду конгномол хексал, нямадилду версталду умукэмэт уриkit ачин бичэн, умукэмэт сангнян, умукэмэт бэеды дылган ачин бичэн.

Бирава эдилэ, гурукадукин хулукукэн конгномо дяв ичэвуллэн. Бээл, дявва ирудячал, элэмэтвэр ирудячатын, хилбималдук дёлодук хилбэродянал. Буруденгкитын, нян угиривунгкитын. Аятмарит халгардивар хексачи бира дяпкан тумкирдукин маннивкатчэнэл, энгэситмэрит алагилвар ирудянал, дяввар бирава солоки ирудячатын.

Дявду илмактан асаткан, упкачин ирэксэмэт тэтывувчэ бинэ, тэгэтчэчэн. Бэе дявва

энидячан (энчадячан), дюр бээл орасалдули, хексалдули симумава бирава солоки дявва нгонимит дырамит хэркэвунди ирудячатын. Асаткан илмакта бичэн. Нунган эситкэн университетту татыгавдеми этэчэн, аичимни окса. Нунган сигикагдула агила нгэнэдечэн, тала аиткитва итывдави, аги бээлдун медицинскайва бэлэгэвэ будедэви.

Нунгангин отрядын дюгани ноновридун нгэнэсинчэн. Нунган, городту арамакан алатчэнэ, хавувкае такускитъя дявучавча. Тыкин хулукукэнду дявканду хэгдымэмэлвэ орасалва, эелвэ лупумнэк нгэнэдечэн, элэдэдэнэ бикиттулэви истави, бира эделин донготоро.

Иландярвэ тыраганилва нгэнэдечэтын, нгэнэдечэтын энэл этэрэ бирава солоки. Надан верстачил оар угириверилдули угэлдулитын кэсэкэкутчэнэл дявканмэр ирудячатын.

Иландярвэ тырганилва унгулбудерит болорит тыгдэт нилбирачал, гулувунду олгидячатын. Эду-дэ чайтыдячатын, обедавар девдечэтын, адечатын, хэмурипчулди халгардивар хулладу чакиливуксал, брезентыт нэмэвуксэл, тыгдэ эдэн улара.

Туги нунгартын симума бири хексамал-

дулин даяпалдулин нунгун няматилдук километрилдук хэлэкэвэ нгэнэчэтын. Тар биденэл, нунгартын кэтэрэ амакалнун арчалдынгкитын. Эми-вал бээлнун илара арчалдычатын: иланду факториялду. Албир угэл ичэвуллэктын, хэгды лэндумэ иманна бурурэкин, нгэнэ муданин дагамалчан. Умнэ долбониду, нгэнэл адерэктын, бира донготорон. Дявва тадук бээлвэ сунгтат иманаран. Мелчалавэр ичэчэтын — тыргимэт нгэнэденгэтыл очавэр.

Кэ, тыкин нгэнэвмэчир амаргуптыл километрил нгэнэвчэл. Гурукадук долбони тэмэлкэндун элэкэсиптыл тогокор инемусинэ, нгинакир гоголло, бээдыл дылгар иллэ.

„Кэсэл амарила эмэнмучэтын“, илмакта асаткан гунчэчэн. Эми-вал эчэн-дэ туги биси: кэтэ ургэпчул дюлэлэ биденгэтын.

Аиткит хаван эделин аят итыгавра, самасэл аиткитва хуски сомамат сипкучиллэ.

Сэвэнчэдеридавэр нунгартын эвэнкилвэ сипкучечэтын, тарил аиткиттула эдэтын гиркура, аичимниду эдэтын аичивра, содымаман аиткитту эдэтын хукулэсинэ аичивдавэр.

— Бэе буми, илэ иннэсинингнэвки? — самасэл бээлдук ханнгуктадянгкитын.

— Букиттулэ нгэнэвки, — тэдедерил бээл дявунгкитын.

— Бэе-кэ аиткитту бурэкин, — самасэл гунденгкитын, — нунган эласа-да букиттулэ хокторонман этэн бакара. Нунганман лучадыл сэвэсэл гадянгатын, мэннгитэденгэтын, этээмниевэр одянгатын, гэрбэчинэвэр. Нунган эласа-да букиттулэ этэн тувэстэ.

Тара тэдедерил бээл сотмарит нгэлэчилигкитын.

Нунгартын, энунилми, эвэнкилдук нги-вэл энуниллэкин, энгкитын мэртын-дэ сурудэрэ, аиткиттула, энгкитын хунгтулвэ-дэ унгдерэ. Тэдемэ тар упкачин бэе мэнин дялданэлин бичэтын. Экума-да буникит, экума-да энгдекит эласа-да ачин бичэн.

Ноноптыл илэл энгкитын сарэ, он иллэтын овча, эда бээл бидевкил, эда нунгартын будевкил. Либгорик Садаулевна улгучэндечэн, тарил илэл бинитын ургэпчукэкун бинэвэн. Ноноптыл эвэнкил пэктырэвурэ ачир бингкитын, бэрилэ-дэ ачир бингкитын. Нунгартын бэюрвэ дёломолди котолди вангкитын, адыракан бэюрдун вавчал бинэл. Эми бултарэ бултакитту, илэл гунингкитын „хинкэн эчэ бурэ“. Тарит тарил

илэл бэйнгэлвэ мэрдуквэр энгэситмэсэлди та-
нгичингкитын. Нунгартын гунчэденгкитын „бэ-
юрду, хексалду, орасалду тыкупчул харгил би-
девкил. Тарил харгил бээлду эрунгдевкил, бэйн-
гэлвэ асадянал. Тарил харгил бэе иллэлэн иде-
вкил, омиван девдевкил-гу, сурувувкил-гу“. Туги
ноноптыл илэл бэе омиван дялдачатын. Бэе
омиван дялдаксал, бикитвэн дялдачиллэ. Бэе
бучэлэн, илэл адыракан бунивэ толкитчангкитын.
Тарит нунгартын тангичалла „оми бэе иллэдукин
юксэ, дуннэду бээгэчин бидевки бисивэн“. Туги
энгдекитвэ—буникитвэ дялдачиллэ. Тар упка-
чин религиознаилди суевериелди гэрбичивувки.
Самасэл, олми, илэл тэдедеривэтын маннивча-
тын. Тыкин-дэ самасэл тарил суевериялди аит-
китва хуски сипкутчэнгкитын. Нунгартын аят
тылдечэтын—аиткит хаватви, бээлвэ аичинди
кэтэдывэтын религиознаилва суевериялва илэл
тыкупчулвэ сэвэсэлвэ тэдедеривэтын кумтэ-
девки. Нунгартын аят садечатын, аиткит би-
сикин, албадяривар бээлвэ улэккитчэми, алба-
дяривар баянгдыми, албадяривар бээлвэ тырэ-
деми.

Илмактаду аичимниду ургэпчу бичэн хавал-
дядан. Эвэнкил нунганман сомат аявдечатын,

эми-вал энгкитын нунганнгилван путэгэрилвэн
тэдэрэ, энгкитын аиткитту аичивмура.

Тар-да бисикин, аичимни-асаткан энгкин
миярэ. Нунган энэ дерудерэ хавалдянгкин, элэ-
дэденгкин, бээл Советтыва аиткиттва аявул-
датын.

Нонон энгкин эюмкун биси, энудеривэ аит-
киттула эмэвдеми. Эми-вал аиткит аичивчаты-
кинди энудерит эвэнкил эсалдудын аявуври
одячан.

Умнэкэн, агили эвэнкил урикичилвэтын
мурукэктэденэ аичимни урикитту умукэнду
дюкчадун ургэпчут энудеривэ сагдыва асива
бакаран.

Эвэнкил гуннэлитын, тар аси кэтэвэ аннга-
нилва энудечэн, сэктэвундукви энэ тэгэрэ. Ну-
нган сомат нгодячан.

Упкат нунгандукин адагачал, нунганман
нянгнячит тангдяра. Упкат самасэл нунганман
аитчами-вал, нгитын-дэ эчэ айра.

Аичимни энудеривэ асива мэннунми аиткит-
тула гачан. Тала аси, авгаракса, авгаракакун
очан.

Упкат нунганман бучэт тангичадянгкитын.
Эми-вал аичимни аиткитту нунганман айран...

— Кэ, дивэ-кэ,—беэл гунденгкитын.—
Аичимни упкаттук самасэлдук энгэситмэр,—
хунгтул элэнгэнмэр гунигкитын, эруктадянал
авгарачавэ асива.

Тар аси уриkitтулэви исчанман, нунганман
уриkitтыкинду бивкэнингкитын, эрингкитын,
чайе чайтыдан. Тар чайтыдяракин, дэвдерэкин,
нунганнгиван итыван ханнгуктадянгкитын. Он
лучады аичимни нунганман аивувнаван, нунган-
ман эруктадянал, гайканденэл, гунденгкитын:

— Холоктодук энумуктук удыматын ачин.

— Упкат самасэл минэ аитчанал, гунчэтын,
минэ окин-да эденгэ аивувра,—авгарача аси ну-
нгартыкитын гундечэн,—кэ, аитkitту минэ айра.

— Дарэм мит самасэлвэ долчатчэнгкилты,—
нунганман долчатчэчал эвэнкил гунденгкитын.—
Мит самасэлду аичидянгадук аитkitту аичивдя-
нгалты.

Тар иты самасэлду тэдекитвэ сомат дюнмул-
дывкэнэн, эвэнкил аитkitтва, аичимнива аяври-
ватын маннивран.

Агиду улгурил эли аяли итыли эдэлин этэврэ,
умнэкэн долболтоно аитkitтула ады-вал намав-
чал ороп дынгнилэнмурэ.

Умукэндутын сагды бэе угучадячан, пэкты-

рэвлэн, котолон, халтын лочокорогдол бинэл,
эмэдечэтын. Нгие-вэл угучангатылтын бичэси-
нэтын.

Угучактук гатактат микчаникса, молду
уичиксэ, бэе аитkitтыки химат суручэн,
аичимни кабинеттулан.

— Минду,—эмэчэ эвэнки аичимнитки гу-
нэн,—хэгды кэсэ оран.

Аичимни бэевэ тэгэмкинду тэгэвкэнэн, ну-
нганман этэвкэниксэ, упкатва аямамат улгучэн-
дэн, зеттэн.

— Миннги сагдагуб хунадив,—эмэмэктэ
бэе гунэн.—Того дагадун тэгэтчэнэ инмэктук
порохтоилво авсакарван урисчачан, умунтын,
нгалэлдукин хилбирочан, тогоду бурунэ пэ-
кочан. Пэкон улдыдин асаткан упкатван дэрэ-
вэн которочан, дылван, тадук нгалэлван. Дюкча-
да дегдэчэн... Хунадив сот тэпкэдерэн, нунган-
дун сома энупчу. Самасэл нунганман этэчэтын
аитмудями, эденгэвэр айра, гунденэл, того му-
сунин нунганман кэсэгинэвэн. Тар-да бисикин,
би садем, си самасэлдук энгэситмэр бисивэс,
эвкивэс того мусундукин нгэлэттэ. Си хунат-
вэв айдяни. Миннун агила суругэт!—эмэчэ
эвэнки зетчэчэн.

— Орорри биси?—аичимни-асаткан нунгандукин хангуктаран.

— Биси,—бэе химат дяврэн.—Аяткулду орорду эмэчэв. Иргэчил орор, хэчэсэл, синэ уриkitтулэ тэлиннгэ исивдянгатын.

Аичимни, нунганнгин медицинскаяй сестран удыкиттула тэтмэлчэрэ. Орорду угуксал эмэчэ-нун бэенун умукэнду агила, энудери уриkitту-лэн сурурэ.

Бега илтэнчэлэн, энудери асаткай аиткиттук ючэн. Тыкин нунган авгаракакун бичэн. Дэрэдун немумэкэн иллэ балдычан. Саримикталин балдычатын, дылдун нюриктэлин балдычатын. Нгалэ-лин-да авгарачатын. Нгэлэвсипчудук дегдындук умэкэмэт самэлки эчэн эмэнмурэ.

Тар иты эвэнкилвэ сотмарит гайканмучан. Асатканмэ энэл этэрэ хангуктадянгкитын, ичэтчэнгкитын. Асунма-да эми ичэттэ, энгкитын ичэрэ хэгды дегдын удялван.

— Е-е, илэл гунденгкитын,—эр эчэ биси митнгил самаргачирты. Гумэттэ: аичимниду аичивденэ, самасэлду эденгэ.

Тар амардукин эвэнкил аиткичит этэчэтын нгэлэтчэми. Нунгартын хэчэкэнчэнэл бэлэгэлэн эмэнгкитын, эласа-да, эт-вал камавучилми.

— Эми-вал самасэл,—кунгакар минтыки гунэ,—эчэтын этэрэ аиткитва хуски нгорча-дями. Нунгартын эсикэкэн-дэ аиткитва хуски сипкудерэ. Тар-да бисиктын, эси илэл этэчэл нунгарватын тэдедерэ самасэл мэртын-дэ аит-китту-да аичивдявкил.

— Самасэл коллективизациява хуски(колхо-зилва овкавэ) сомамат нгорчангкитын,—пионер Миячэ гунэн.

— Кулакил-баясал, самасэл-да колхозилдуд кэтэвэ эрувэ очатын,—ге пионер гунэн.

Кунгакар минтыки улгучэнэ, он нунгарнги-дутын райондутын баясал, самасэл колхозилва хуски нгорчанаватын.

САМАСЭЛ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯВА ХУСКИ НГОРЧАНТЫН

Этэечимнил, колхоз председателин, Миглаул, элэ долбони дулмактун ороово тавра.

Ненгнелдечэн, нямасэл амакан хутэтэлнгэ-тыл очатын. Колхозникил нямасэлвэ куренгнгатыл (готангатыл) бичэтын. Тарилва этэетчэнгэ-тыл бичэтын, аямамат хутэтэдэтын. Упкат тара сот хивнндячатын.

— Сол бисис, бээл, — колхоз председателин, омкочодукви бираягачин эендеривэ нексэви, тэсиденэ гунэн.

— Упкатва ороово бакатчал, умунупкичэл. Сол бисис, сол этэечимнил бисис! — нунган колхознигилва этэечимнилвэ кэнерэн.

Председатель халгардукви суксиллалви нодаксэ, килтырэду такэнду тэгэксэ, могдыви дамгат (харит) тэвуллэн. Этэечимнил нунганду-лан эмэчэтын, туги-дэ могдылвар танилчатын уксэлдивэр эсалдулатын эендеривэ нексэвэ тэ-сиденэл.

Таниксал, дэрумкичэксэл, урумкукэрду албирду суксиллалдувар нян илла, аги хакты-радун халлэ, бидериткивэр дэртэденэл.

— Амакан хороки тактыкалден, тэли бира-да хавасиндян — сагдыкун этэечимни гунэн, му-давсинми чэнгтэкэвэ чаичива умдяна.

Нунгандун нги-дэ эчэн дяврэ. Нунган гир-килви ичэттэн хуллалду хуклэдериwэ, тадук мэдэрэн нунгартын адериватын, эсивэтын дол-чатчэрэ.

— Дэручэл, — гунэн, чэнгтэкэви, каптакави хутаканду нэденэ. Гулуwунду адыканмэ молва дюлкурэн, мэнин-дэ хулладу асиндави, угду-синчан.

Адыкан минутал илтэнчэлэтын дюкчаду уп-кат адечатын...

... Нгэрилчэн. Аги хактырапчун сэергэрэн. Элэкэс дагаду бисил мол ичэвуллэ, тадук чагул мол. Хактыра аги доскин чагэроран, дикилкатчэнэгэчин, мол чагидадутын иду-вэл гороло сунгтаду хексал хэрэлдутын халлэн.

Гугда нгэкэ, гиллэнэдери иманна хэгдыт авуннгачиндин дасивча, чагидадукин гудеипчу хутама нгэрин нгэриллэн. Чутумали нянгняли аракукан улбургэллэн, нянгняли дэгиктэдери багдамал туксул умивурватын хулакаллан. Гугда нгэкэ иманнама авунин оёмомолон угириденэ, аят нгэринди аракукан гиллэнэдериwэ чуюсэлвэн нгэрилчэ бичэн.

Агиду упкачин итыгадериgачин бичэн, мелилтак бичэн, урувсипчут тымарит давланди дялупчагэчин одядави.

Тар-да бисикин, нги-дэ энгкин мелла: тымани элэкэс дагамадечан. Эдын торочо бичэн. Аги мудавсиптылва минуталви адечан.

Умнэт аги догидадукин олондөрил ороp кокчартын полисинтын иллэн, тадук нги-вэл ороpво асадяри дылганин.

Нгинакиp, иманнаду, дюкча дагадун, хукулэдечэл, дылилвар сунгнгичатын (муннирэчэтын) долчатчэнэл. Онгоктотвор угиски нгосилчатын,

орорду эмэдеривэ бэелвэ амтаксал, халгадивар илнал, игдыт гоголло.

Дэрүчэ орон, дэрүнэтви чоливи лавакса, ургэпчут эриденэ, дюкчали хуктырэн. Бэе оронди эмэчэ лочокодук гатактат микчанэн. Уситви оронмо моду уиксэ, тэлиннгэмэлчэ дюкчала ирэн.

Дюкчаду тогово илара, нги-вэл чайникту иманнава тэвүксэ, чайя хуювдэви, оллорон.

Эмэмэктэ, илмакта комсомолец Садаул, бэюмэчимнил бригадатын хэгдыгун хэгилмэви лукикса, гулуwунду тэгэрэн, хулиттави. Нунганман мурэли колхоз председателин, колхознгил этэечимнилин тэгэттэ. Нунгартын эчэт аврэ амит саримикталвар аран-аран туридячатын. Эмэмэктэwэ долчатчэчатын, элэдэденэл, умүкэмэтъе турэнэ эдэwэр бурирэ.

— Харги саман, — эмэмэктэ улгүчэнэн, — мундулэ колхозникил уриkitтулэтын мэннгитви дюкчатви эмэчэн. Дюкчадуви сэwэнчэллэн. Эр-кэ гева тырганива сэwэнчэдэрэн, бэелвэ сипкүденэ нунгартын колхозтук юттэтын. Уриkitтулэ сурувкэ, — нунган гүнэн, улгүрви этэденэ, председателътыки дэртэнэ. — Булэнмэ разоблачивүвка.

Садаулъя Миглаулнун чайтыдянал, сурудэ-
вэр итыгарактын, дюр этэечимнил суксиллалди
агила ичэнэчэтын. Аява оронмо Миглаулду
угучакнгатъян дяваксал, дюкчала эмэврэ. Миг-
лаул оронмо намаран. Садаул оронми лочо-
ковон аюстан. Тадук этэечимнилнун про-
стылачиксал, орорду угуксал, тэлиннгэ агиду
халлэ.

Миглаулъя Садаулнун уричиттулэ дагама-
рэктын, саман дюкчадун сэвэнчэн этэвдечэн.

Миглаулъя Садаулнун, энэл саврэ дюкчала
ирэ, саман сэвэнчэденэлэн. Саман нунгарватын
энэ ичэрэ, бэелвэ сипкудечэн.

— Миннгил сэвэсэлви, — саман гундечэн, —
сунду тыливдэв, зетчэрэ, сунэ хэгдыл кэсэл
алатчэриватын. Су колхозникил онадуксун хар-
гил сунэ асактамадяра.

Саман минутаканду симургаран. Арамакан
симулакса, нян гунэн:

— Сунду колхозтусун упкачин хунгтупчэ.
Су хавалдяс умукэнду, бидес туг-дэ умукэн-
нгэчин, орорво умукэнду этэетчэрэс. Сэвэсэл
албадяра мэргилвэр дюлвар бакадями. Сунду
колхозтусун упкат сэвэсэл-элбэчимнил соли-
пивчал. Эр-кэ, кэсэ сунду одянган, бэел, —

саман игдыт тэпкэрэн. — Солипивуксал, суннгил
дюллун мусусэлтын кэитчэнгэтын, су упкат
колхозвар дярин бутченгэсун.

— Улэккитчэнни саман! — Миглаул игдыт
тэпкэснэн.

— Эвэнкил экэллу нунганман тэдедерэ! —
Миглаул бэелтыки гунэн. — Экэллу нунганман
долчатчэрэ эр митнги харгимама булэнты! Ну-
нган колхозват сукчамудяран, митвэ холоктоло
хатаптыла индулэ мучувкамудерэн. Нунган, мит
холоктогочинди бидэт, нэкэдерэн, баясалду, сама-
сэлду хэннгэмэклэвэр унгкеродядат, некэдерэн.
Саман, авадытыкирва улэкилвэ дялдаденэ,
улгучэндерэн, сунду эсикэкэн гундеригэчирви.
Эвэнкил религиознаилва суевериелватын ис-
пользуйдяна, нунгартын омактава кутучива
инмэ одяриватын сукчаттави. Сакэллу, эр харги
саман, эду сунтыки гундери, туги алагунан,
колхозтусун горово сукчатчачан. Сакэллу — эр
улэк сулаки саман, баясал кулакилнун умукэнду
митнгилвэ орорвот ачиннгиссадячатын. Тар
нунгартын сэсиннгмэт нюрмачатын, упкатва
нямасэлвэ илбэксэл, сунгтали иманнали асадя-
чатын, эдэтын аят хутэтэрэ. Мит эси эрэвэр
аят садеп. Орорвор онидянал бу суксийон

удялан тургачавун, сэсингилвэвун нги олон-
нгинаван умнэт сачавун!

Миглаул дюкчадуви колхозникилва умунуп-
кирэн, нунгартыкитын саман оналван улгучэ-
нэн. Эвэнкил саманмэ уриkitтук эрэстэвэр
гумэтчэтын. Миглаулъявэ Садаулнунма оорди
райондула унгдэвэр, тарил Райондыду исполни-
тельнайду комитетту саман сукчатнаван улгу-
чэндэтын.

Дюга саманмэ, бэлэмнилвэн—баясалва суд
судидерэкин, савулчан, нунгартын колхозтутын
такадячатын, хунгтулду-дэ колхозилду такадя-
нал сукчатчачатын.

— Самасэл, эсикэкэн-дэ колхозилва хуски
нгорчадавэр эчэл этэдэрэ,—Укширик гунэн.
Эр-кэ, эчэ горо биси. 1935 аннганиду, саман-
аси одяналин савувчал бичэтын...

* * *

Тар саман-аси дюкчатви бирали Чуняли нул-
гиктэдечэн. Умукэндүлэ хэгдылэ уриkitтулэ
нулгиксэ, хунгтутэнэт сэвэнчэлчэн.

Саман-аси сэвэнчэриви этэритыкинду туги
гунингкин: „Экэллу колхозилдула ирэ, экэллу
хутэлвэр таткитту бурэ“.

Тадук ичэксэ, илэл нунганман эсивэтын тэдедерэ, нунган бээлвэ онтанэ улэккиссэлчэн.

— Су эчэллун тэдедерэ, миндулэ сэвэсэл эмэктэриватын, минду ипкэтчэриватын, гундэв, колхозилдула эдэсун ирэ? Эчэллун тэдедерэ? Эр-кэ долбо ичэткэллу дював, упкат ичэденгэсун, он сэвэсэл миндулэ эмэктэдеривэтын авадытыкирва одяриватын.

Долболтоно саман-аси, дюкча дулинду илитчана, сонали дегдэдериwэ эллалва хуксэмнэлвэ нодулингкин.

Илэл мэннгилдуквэр дюкчалдуквар дюкчаван ичэтчэнгкитын, ичэнэтвэр гайканденгкитын. Кэтэдытын турэрвэн тэдечэтын.

Геду долбониду нунган, дюкчадукви делумкун юксэ, иманнаду авадытыкирва, тагивкамэлвэ удылва очан.

Тыматнэ бээл эрил тагивкамэлвэ удылва ичэрэ. Тарил удыл саман дюкчадукин нунгарнгилдулатын дюкчадулатын нгэнэдечэтын. Бээл самандула сурурэ, тыливунэ эеттэвэр.

— Эр-кэ сундулэ сэвэсэл эмэктэчэл,—саман гунэн. — Нунгартын эетчэчэтын, сунду тыливкэндэв, су минэ этэрэксун долчатчэми, нунгар-

тын, гевуксал эмэксэл, сунэ упкатва девденгэтын

Эду-дэ бээл тэдемэт нгэлэллэ, дылилвар сокормоючал ора.

Геду долбониду бээл горово эчэтын арэ. Саманмэ тэдедечэл бээл омактал сэвэсэл эмэридитын нгэлэтчэчэтын гулуwунду тэгэтчэнэл, энэл этэрэ могдылвар танденэл (дамгатыдьянал), сивутаденэл улгучэмэтчэчэтын.

— Дявучакал нунганман! Дявучакал!—агиду ады-вал илмактал дылгар тэпкэллэ. Тадук нгивэл туксасинан, бурурэн. Нунганман дяваксал, уриkitтулэ эмэwчэтын.

Ады-вал илмактал дылгурал дылгар, инектэденэл улгучэндечэтын, гил нгивэ-вэл валадечатын. Нгинакир уриkit упкаттулин, дулбунчалчэгир, силгинденэл нгивэ-вэл гогодэчотын.

Бээл дюлдуквар сичисиниксэл, ичэчэтын—илмактал комсомолецил дявавчавэ саман-асива агигит эмэwдечэтын. Комсомолецил—саманмэ сипкутчал, нунган тар долбониду иманнаду тагивкамэлвэ удылва олдяракин. Бидектун нунганман дяваксал, уриkitтулэ эмэwчэл, одярилван упкаттыки илэлтыки ичэwкэнэ.

Тыматнэ-нун бээл эрил саман одярилван райондыду исполнительнайду комитетту улгучэндэвэр, гулдырэ.

Дюр бээл ороорво намаксал, Чуныла хукты-вусинэ.

* * *

— Самасэл, баясал бичэл сот эвкил митнгивэ колхозтыва итыват аявдерэ. Нунгартын нгорчачатын, эси-дэ колхозилват хуски тыкупчумэмэт нгорчавкил. Тар дярин хавалдярил религиознаилва суевериялватын используйдявкил. Тарит, — кунгакартыки би гуним, — религиознаилва предрассудокилва хуски, нгэнэвумнилвэтын — самасэлвэ хуски элэтивэр нгорчавка.

Тар дярин хавалдярилтыки упкатватын религиознаилва предрассудокилва, сэвэсэлвэ тэдеривэтын элэтивэр мангичана тыливкэнивкэ, эрувэтын тыливкэнивкэ, ичэвкэтчэнэ, авадыва эрувэ нунгардутын одярилватын.

— Мит религиялва, сэвэнчэнмэ хуски окин-да пропагандавэ нгэнэвдерэв, — кунгакар дяврэ. — Мит амтылдувэр, энтылдувэр, сарилдутын религиознаил суевериял, сэвэнчэр эрувэтын тыливкэндэрэв.

— Локучамаду газетаду мунду „Безбожник уголокин“ бисин.

— Таткитту урокилду, бу адыракан эрил хангувурва обсуждайдэнгнэрэв, экумал-да сэвэсэл ачир бисивэтын доказывайдянал.

— Миннгиду пионер-отрядынгдувун адыракан эрил хангувурва улгучэмэчир бингнэрэ. Вожатэил отрядту муннун улгучэмэтчэвкил, тадук муннги ячейкавун комсомолецилин, тадук муннгил татыгамнилвун. Хадун бу мэрвун сагдылнун эвэнкилнун улгучэмэтчэрэв, тарил агидук эмэрэктын, — минду кунгакар гундерэ.

— Бу таткитту гулдычэвун, — миндулэ дагамача асаткан гундерэн. — Бу, агила дэрумкичэ-киттулэ хуетчэдеми, религиява, сэвэнчэнмэ хуски нгорчандянгавун, тадук тэдедерилду эрувэтын тыливкэнилденгэвун.

— Кунгакар сол бисис, — битатыгавумнилва кэнем. — Эр-кэ эси гил-дэ туги одянгатытын. Кэ, биэ ливэр дукудянгав, эси би сундук долдынави. Книгаду аги упкаттун кунгакардун улгучэндэнгэв.

Нунгартын эрэвэр тангиксал, туги-дэ религиознаил суевериял, сэвэнчэр эрувэтын тылденгэтын. Тыликсэл, нунгарнунтын нгорчалдянга-

тын. Нунгартын-да суннгэчир одянгатын, ман-
ничанал тэдедерилду религия, сэвэнчэн эрувэн
тыливкэнилденгэтын.

Нунгартын бээлду бэлэденгэтын сэвэсэлвэ
тэдеривэр бимнэдун упкатва мирвэ тэдэт тыл-
дэтын.

Бу аяканди простылаттэв, мэмэгилвэр
нгалэлвэр тырэмэчиксэл хуетлирэв.

Нунгартын татыгамнинунмар Либгорикнун
таткиттыки сурурэ, би часки агитки сурум.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. АНИСИМОВ

ПРОТИВ ШАМАНСТВА

СБОРНИК РАССКАЗОВ
ДЛЯ ДЕТЕЙ ЭВЕНКОВ

**НАДО ТЕРПЕЛИВО РАЗЪЯСНЯТЬ ВЕРУЮЩИМ ВРЕД
РЕЛИГИОЗНЫХ СУЕВЕРИЙ И ШАМАНСТВА**

Весной, когда кончились занятия в школе, приехал старик Рауль и увез Учики домой в тайгу на летние каникулы.

Простившись с товарищами и учителями школы, Учики вскочил на своего любимца-оленя—большого белоногого быка—и вместе с дядей Раулем мигом пропал за поворотом тропинки, что вела от школы в тайгу.

Весело было ехать по зеленой тайге. Олени шли быстро. Рауль не переставал спрашивать Учики о школе и всех новостях районного центра, а Учики, отвечая на вопросы дяди, заигрывал со встречными ветками и перекликался с пернатыми.

Незаметно пролетел день. На речке Сурингна их догнала ночь и заставила ночевать. Не нравилась Учики эта речка Сурингна: уж очень много по ней жило медведей, а с такими соседями страшновато было оставаться ночевать. Но Рауль был самый смелый и самый ловкий охотник. Ему ли бояться встречи с медведем! Учики расседлал оленей. Встряхнулись олени, понюхали по сторонам и нехотя пошли в тайгу на ягельники. Рауль развел костер и поставил кипятить чайник. Рауль и Учики присели к костру.

— Горячо, — сказал Учики, — отодвигаясь подальше от костра.

— Смотри! Не сожги ложами! — предупредил его Рауль. — Видишь, попала в костер ель, вот и летят от нее во все стороны искры.

— Того и гляди, пиджак сожжешь, — сказал Учики, — сбрасывая с рукава выскочивший из костра уголек и еще дальше отодвинулся от костра.

— На таком огне, не в чуме, — мигом закипит чайник, — сказал Рауль, поглядывая на костер и покуривая свою маленькую трубочку. — Давай-ка, Учики, будем готовиться к чаю. Развязывай выючную сумку и доставай оттуда хлеб, масло, сахар и чай. Вынимай вяленое мясо, вкусное вяленое кишечное сало. Давай все сюда, поближе к костру!

Учики стал шарить по сторонам, стараясь найти выючные сумы; кругом была непроглядная темнота.

Вдруг из темноты ночи, прямо к костру, бросились перепуганные олени. Потом кто-то тяжело протопал справа, грузно шлепнулся через колоду и остановился, боясь, видимо, подойти к огню.

Рауль мигом вскочил на ноги, схватил ружье и, отпрыгнув немного в сторону от костра, чтобы пламя не мешало смотреть в темноту, устремил свой острый охотничий взгляд туда, где остановился хищный зверь.

Немного спустя дядя Рауль обнаружил в темноте два сверкавшие глаза хищника, смотревшие то на людей, то на огонь. Затем из темноты постепенно выступила медвежья туша. Огромный медведь стоял на задних лапах и, раскрыв свою ужасную хищную пасть, казалось, колебался, — хотел броситься на людей, но боялся огня и потому медлил.

Долго не думая, Рауль вскинул ружье и выстрелил. Но было темно. Рауль немного промахнулся и не убил, а только ранил медведя.

Зверь рассвирепел и с ревом пошел прямо на Рауля.

Рауль не испугался медведя. Он опер дровко пальмы покрепче о землю, присел на корточки и стал зорко следить за каждым движением медведя, выбирая удобный момент для смертельного удара. Когда медведь подошел совсем близко и бросился на присевшего на корточки дядю Рауля, тот быстро, как спущенный лук, выпрямился и вонзил стальной нож пальмы прямо в медвежье сердце.

Опустились грозно поднятые передние лапы медведя, пасть закрылась, подкосились задние лапы и огромный черный зверь замертво рухнул на землю. ¶

„Какой дядя Рауль ловкий и бесстрашный охотник! Вот бы мне быть таким“, — подумал Учики.

„Но что это с ним? — через минуту спросил себя Учики. — Ведь я видел своими глазами, что Рауль ни чуточки не испугался, когда над его головою раскрылась пасть огромного медведя: Рауль без всякого страха всадил в медведя пальму и одним ударом повалил зверя на землю. Так почему же он трусит теперь, когда медведь убит? Неужели он боится мертвого медведя?“

Так и есть. Рауль, видимо, боится мертвого медведя. Вот он вставил в пасть медведя деревянную палку. Теперь он уговаривает медведя, чтобы тот не сердился на него. Убеждает медведя, что убил не он и не его ружье. А вот теперь Рауль стал смешно прыгать вокруг медведя, подражая движениям и крику ворона, и приглашает Учики делать то же. Он хочет убедить медведя, что подле него стоят не Рауль и Учики, а вороны, прилетевшие клевать падаль.

Вот Рауль взял два деревянных чурбана и сделал пальмою несколько затесок по концам этих деревянных обрубков, придав им слабое подобие человеческого лица. Затем сделал для каждого из них по маленькой деревянной пальме и поставил их подле себя у огня.

Учики знал этих деревянных болванов. То были изображения бугады — родового духа-покровителя. Под их защиту и прятался дядя Рауль.

„Смешно, очень смешно“, — думал Учики, глядя, как дядя Рауль боязливо жался к деревянному болвану, прося у него защиты.

„Этих богов дядя сделал из первого подвернувшегося под руку обрубка, который сам же только что бросил и выругал за то, что он сырой и не годится для костра“.

Вот смех-то! Дядя Рауль велит и ему сесть к одному из этих чурбанов и просить, чтобы они защитили его.

Тут Учики не выдержал и рассмеялся, да так неожиданно и громко, что Рауль даже привскочил и еще больше струсил, стал ругать Учики, приказывая ему не кричать, не смеяться, громко не кашлять и не чихать, а лезть под защиту своего деревянного чурбана — бугады.

— Дядя Рауль, кого ты боишься? — спросил Учики, — убитого медведя, что ли?

— Не медведя боюсь, — отвечал шопотом Рауль, — боюсь мести души медведя. Ее-то я и стараюсь обмануть, от нее-то я и прошу защиты у бугады, — сердито добавил он и приказал Учики последовать его примеру.

— Нет, мне и тут хорошо, — ответил Учики. — Там у тебя дымно, да и неудобно сидеть съезжившись около этих чурбанов, — и Учики, улыбаясь, показал пальцем на идолов бугады.

— Ты не боишься мести души убитого медведя? — спросил еле слышно Рауль.

— Нет, — громко ответил Учики.

— И этих духов не боишься? — снова еле слышно спросил его дядя.

— Не боюсь и духов.

— Почему? — не выдержав, громко спросил Рауль. — Почему

ты, — маленький мужичок, не убивший еще ни одного крупного зверя, не боишься страшных духов?

— Я не верю ни в какую душу: ни в медвежью, ни в человеческую, не верю ни в каких духов, ни в добрых, ни в злых, — ответил Раулю Учики. — Поэтому я не боюсь ни мести медвежьей души, ни козней духов.

— Вот как! — удивленно проговорил Рауль.

— Да, не верю, — продолжал Учики. — Потому что никаких духов никогда не было и нет, и нечего их бояться. Все рассказы шаманов и верующих людей о разных духах — все это басни, простые выдумки. В них нет ни капельки правды. А вреда они приносят очень много. Ведь подумать только: когда разъяренный медведь лез на тебя с раскрытой пастью, ты не боялся, а вот мертвого медведя боишься и прячешься за эти бугады, — ищешь защиты у двух деревянных обрубков. Разве это не смешно?

— А откуда ты знаешь, что духов нет? — спросил Учики старик Рауль.

— Об этом я узнал в школе. В школе нам подробно объяснили, как возникла у людей вера в духов и какой она приносит вред. Было время, говорила нам учительница, когда люди совсем не знали религии. Первые люди не имели никакой религии и не верили ни в каких духов. Только потом, много позднее появилась эта вера.

— Откуда ты знаешь, что такие люди жили? Да и кто может знать, как жили раньше первые люди? — спросил старик недоумевая.

Учики подбросил в костер сухих дров, поправил головешки и, пододвинувшись поближе к старому Раулю, стал рассказывать ему, о том, как они на-днях ходили всей школой в тайгу на экскурсию, как нашли на берегу речки каменный

топор первобытного человека, и что рассказала им учительница про этот каменный топор и жизнь людей, пользовавшихся этим топором.

ЧТО РАССКАЗАЛА НА ЭКСКУРСИИ РЕБЯТАМ УЧИТЕЛЬНИЦА ЛИБГОРИК

К речке спускалась с хребта Дягдякан экскурсия школьников.

Звонкие детские голоса все приближались и, достигнув серых отвесных скал, разносились звонким эхом по всей долине. Но самих ребят не было еще видно: их прятала в своей зелени густая тайга.

— Либгорик Садаулевна! Либгорик Садаулевна! Речка здесь! — кричал Ховоко, прыгая от радости и стараясь перекричать шум порожистой речушки.

— Здесь! — отозвалось эхо и рассыпалось по тайге, точно вспугнутые рябчики.

— А! Вон где! — радостно кричали ребята, вынырнув из тайги на берег речушки, точно стая утят из густой травы.

— Тише, ребята, — сказала учительница Либгорик Садаулевна. — Не кричите так громко все сразу!

— Чиярик! — повернулась она к девочке, — сейчас же сойди с камня. Камень скользкий. Ты можешь поскользнуться и упасть в воду. Вот так! Теперь беги сюда, ко мне. Ребята, — крикнула она громко, — мы сядем вот на ту красивую поляну на крутом яру и приведем в порядок все, что собрали в лесу.

Ребята расселись на красивой открытой поляне и принялись разбирать. По коробочкам и баночкам разложили жучков и паучков, а в большие папки положили красивые тасжные цветы, маленькие елочки и листочки вкусной сараны.

— А где Ядуга? — спросила учительница. — Куда он делся? Ведь он только что был здесь.

— Я-ду-га-а-а! — кричал своему другу Шиварчо. — И-ди-и-и сю-да-а-а!

— Э-э-э! — отозвался откуда-то снизу, из-под яра, голос Ядуги.

Вскоре явился и сам Ядуга, весь выпачканный в земле и с поцарапанным носом. А в руке у него был гладко отшлифованный кусок кремня, похожий на те каменные топоры первобытных людей, что видели ребята в музее, когда ездили всей школой на экскурсию в Москву.

— Что с тобой, Ядуга? — спросила учительница, увидя поцарапанного Ядугу. Она даже испугалась: — не ушибся ли ты, Ядуга?

— Немного ушибся, — смущенно ответил Ядуга. — Ушиб правую ногу, когда летел по откосу с вершины яра.

— Как с яра? — сказали удивленные учительница и ребята.

Он отдал находку учительнице, сел на сухую колоду и рассказал о том, как летел с вершины яра.

Ядуга прыгал по краю песчаного обрыва, весело смеялся над тем, как из-под его ног с шумом летели по крутому обрыву и падали в речку камни и комья земли. Вдруг дерн под ногами Ядуги обвалился и он вместе с комом земли полетел вниз. Когда Ядуга поднялся, отряхнул с себя землю и, глядя ушибы, стал оглядываться кругом, он увидел под ногами этот камень.

Приласкав пострадавшего храброго Ядугу и почистив его, учительница взяла его находку и сказала:

— Ребята! Этот камень, что нашел Ядуга, не простой камень. Это — каменный топор первобытных людей, которые задолго до нас жили здесь.

— Как он сюда попал? — спросил Копкончо.

— Наверно у них здесь было стойбище, — ответила учительница. — Мы вот пошлем, ребята, этот каменный топор в музей. Оттуда приедут к нам ученые, раскопают этот яр и расскажут нам, кто тут жил.

— Либгорик Садаулевна, — сказала маленькая черноглазая Иркума, — панкагирский шаман говорил, что в этой горе жил раньше дух дыльмарагды, — и она показала ручонкой на близ стоящую плешивую гору.

— Врут все эти шаманы, — сердито сказал Копкончо.

— Либгорик Садаулевна! А почему люди верят в духов и боятся их, — спросил учительницу стоявший подле нее Ядуга.

— Не всегда верили люди в духов, и не всегда их боялись, — сказала ему учительница. — Вначале люди не верили ни в каких духов и никаких духов не боялись.

— Вот молодцы-то! — дружно отозвалось несколько ребячьих голосов.

— Вот посмотрите на этот каменный топор, — продолжала учительница, показывая ребятам находку Ядуги. — Смотрите, как гладко он отшлифован. А ведь его делал человек, у которого в руках ничего, кроме камня, не было. Много нужно было, ребята, потратить труда, чтобы сделать такой топор.

— Ой-ой, как много! — подтвердили хором ребята.

— Но такие топоры люди научились делать не сразу. Прошло много тысяч лет, прежде чем люди, передавая из поколения в поколение свой опыт изготовления каменных орудий, научились делать такие шлифованные топоры. А до того они брали просто большой кусок кремня и, ударяя по нему другим камнем, слегка заостряли один из его концов. Второй же конец не обивался, чтобы его удобней было держать в руке. Вот с таким-то каменным топором люди

много тысяч лет и охотились и защищались им от хищного зверя.

— Бедняжки! — сказала девочка Аярик. — Как им тяжело было жить!

— Верно, Аярик, — подтвердила слова девочки учительница. — Первобытные люди, вооруженные такими каменными топорами, очень часто были бессильны в борьбе с природой. Да к тому же и природы-то они не знали как следует, не имели о ней правильного представления.

Не знали они и своей собственной природы, — того, как устроено их тело и отчего бывают болезни.

Неудивительно поэтому, что первобытные люди были часто бессильны в борьбе с природой. Это бессилие первобытных людей в борьбе с природой и породило религию. Первобытные люди перед тем, как итти на охоту на медведя, делали изображение этого медведя, пораженного стрелами, и думали, что после этого им удастся непременно убить медведя.

— Неужели и тогда жили медведи? — спросила учительницу девочка Укширик.

— Да, — сказала учительница. — Только они были много больше теперешних медведей тайги.

— Страшно охотиться на такого огромного злого медведя с таким топором, — сказал кто-то из ребят.

— Кроме топора у людей того времени были уже и луки, и на медведей и других зверей они охотились с луками.

— А откуда мы знаем, что люди так жили, что они охотились на таких больших и страшных медведей? — спросил учительницу Копкончо.

— Ученые раскопали много стоянок первобытных людей, — сказала учительница, — нашли в них много следов обитания первобытного человека: кости и даже целые скелеты людей,

остатки костра, остатки орудий первобытного человека и большое количество костей разных животных, которых он употреблял в пищу.

На стенах пещер, где жили первобытные люди, были найдены рисунки, изображающие различного рода зверей, пораженных стрелами.

Позднее всякие неудачи на охоте и в жизни, — а таких неудач было много, — люди стали объяснять тем, что будто какое-то невидимое сверхестественное существо — дух — пакостит людям на охоте и в жизни.

На самом деле люди были бессильны не перед духами, как это они себе представляли, а в своей борьбе с природой.

Когда появились богатые и бедные, хозяева, слуги и рабы, жизнь бедняков стала еще тяжелее. Они не могли бороться против богатых. Богатые хозяева были сильнее их и поэтому сильно угнетали бедняков — своих работников и рабов.

Трудная жизнь людей, гнет богачей, — все это вместе взятое заставляло бедняков верить в несуществующих духов и в бога, заставляло их обращаться к ним за помощью. Так началась вера, так началась религия.

— Либгорик Садаулевна, — сказал Ядуга, — скажите а откуда взялись шаманы?

— Я все это уже объясняла вам в школе, на уроке. Тебя, Ядуга, тогда не было, ты болел и лежал в больнице. Слушай, расскажу откуда взялись шаманы.

Вначале не было никаких шаманов. Всякие религиозные обряды и танцы, которые совершали первобытные люди, думая этим приманить зверя и обеспечить удачу на промысле, совершались без всяких шаманов. Руководили этими религиозными охотничьими плясками старики, потому что у них был большой охотничий и жизненный опыт. Только потом,

много-много позднее, появились специалисты по этому делу — шаманы.

— Либгорик Садаулевна, а почему многие эвенки и сейчас еще верят в разных добрых и злых духов и слушаются шаманов? — спросил учительницу Ядуга.

— Это, Ядуга, пережиток старого. Двадцать лет тому назад эвенки, как и другие народы Севера, не знали даже самой простой машины, не имели в своем языке ни слова „карандаш“, ни слова „книжка“ и не видали никогда в жизни врача.

Задавленные гнетом царского самодержавия и своих князьков и богатеев, они все больше и больше разорялись и вымирали от голода и разных заразных болезней целыми семьями.

Такова была жизнь при царизме.

В 1917 году Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила национальный гнет и сделала народы Севера свободными. Коммунистическая партия и советское правительство, оказывая народам Севера повседневную братскую пролетарскую помощь, помогли северным народам изжить их вековую отсталость.

Если раньше эвенки не знали, что такое „карандаш“ и „книжка“, не слышали о враче, то теперь у нас в тайге сотни школ, больниц, ветеринарных пунктов, свои учителя, радисты, ветеринарные техники, директоры совхозов и т. д.

Теперь эвенки организованы в национальные районы и округа, имеют свои органы власти и от своего эвенкийского округа избрали депутатом в Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик эвенка тов. Давыдкина Александра.

В корне изменилась жизнь эвенков. От бывшего бессилия не осталось и следа. Эти достижения, одержанные эвенками

под руководством коммунистической партии и советского правительства, подрезали корень религии.

Сейчас религиозные суеверия существуют как пережитки старого. С ними нужно бороться, терпеливо разъясняя людям их вред, потому что религиозные суеверия и их проповедники — шаманы — всегда приносили и сейчас приносят народу большое зло. вспомните, как несколько лет тому назад из-за религиозных суеверий и шамана остался Питако без мамы!

— Да, помним, — отозвались ребята, — нам рассказывал об этом Питако. Комсомолец Питако делал у нас в школе доклад, рассказывал нам в чем вред религии и шаманства и почему с ними нужно бороться.

О чем же рассказывал ребятам Питако?

ПОЧЕМУ МАЛЕНЬКИЙ ПИТАКО ОСТАЛСЯ БЕЗ МАМЫ

Это было лет десять тому назад.

Наступила осень. Золотым пламенем вспыхнула лиственная тайга и посыпался пожелтевший лист.

Многолюдное Юдуконское стойбище точно растаяло и мелкими ручейками растеклось по тайге. То в одиночку, то подвое, расходились со стойбища семьи эвенков и направлялись со своими чумами вглубь тайги — поближе к местам беличьего промысла.

Куктыуль и Микчанча вместе со своим стойбищем пошли на правую сторону реки Катанги, на вершину речки Бугарикты и по первому снегу приступили к промыслу.

На стойбище было четыре чума. В одном из них жил маленький Питако, в другом — веселая девочка Пэтэмок.

— Пэтэмок! — крикнул с улицы Питако, увидя высунувшуюся из-под полы чума головку Пэтэмок. — Иди ко мне на улицу, поиграем!

— Сейчас иду! — отозвалась Пэтэмок, — и вскоре вылезла из чума.

— Скучно стало теперь, Питако, на стойбище, — сказала девочка, подходя к костру, где стоял Питако. — Все на промысле.

— Собаки и те на промысле, — отозвался Питако, — и им теперь уже не до игры с нами.

— Вот если бы пойти, Питако, к твоей маме да попросить ее, чтобы она рассказала нам такую же интересную сказку, как она рассказывала нам вчера, вот было бы хорошо, — сказала Пэтэмок.

— Да, было бы хорошо, — согласился Питако. — Только сейчас она занята, она выделывает оленью шкуру и ей тяжело будет мять шкуру мялкой и говорить сказку.

— Ничего, — настаивала Пэтэмок, — твоя мама такая хорошая, такая добрая! Она наверно согласится рассказать нам хоть одну маленькую сказочку.

— Моя мама очень-очень хорошая, — с жаром проговорил Питако, — и если ее попросить, то непременно расскажет.

— Ну, так идем и попросим, — сказала Пэтэмок.

И, взявшись за руки, дети побежали в чум к Питако, да так и просидели там до позднего вечера, слушая сказки и поедая вкусные горячие лепешки, которыми угощала их мать Питако.

Из лесу послышался лай собаки.

— Это наш Соболь лает, — сказала, обрадовавшись, Пэтэмок. — Это наши — Микчанча и папа — возвращаются с промысла.

И, накинув на плечи зипунчик, Пэтэмок быстро выбежала из чума.

А на следующий день, встретившись с Питако, она сказала своему другу:

— Мой брат Микчанча вчера почти ничего не добыл. Он заболел в лесу и еле дошел до чума. Сегодня папа повезет его в больницу, — и она заплакала.

— Не плачь, Пэтэмок, — успокаивал Питако плачущую Пэтэмок. Но не прошло и трех дней, как у самого Питако заболела мать.

Отец Питако оседлал своих сухих оленей и поехал за сто километров вглубь тайги за шаманом, а больную мать и Питако оставил на присмотр соседей.

Измучив себя и оленей, отец на третьи сутки все же добрался до шамана Гекчаго и стал его просить, чтобы тот поехал и пошаманил над больной.

— Я, сказал хвастливо шаман Гекчаго, — могу прогнать из человека какого угодно злого духа. Вылечу и твою жену.

— Вылечи, пожалуйста, — попросил шамана отец Питако.

— А кто мне будет промышлять белку, пока я буду шаманить? — спросил шаман.

— Я тебе отдам всю свою белку. Я на тебя буду промышлять, — упрашивал отец Питако, — только поедем, пожалуйста, поскорей.

— Ладно, — сказал шаман, — завтра с рассветом поедем.

Только на седьмые сутки вернулся отец Питако. С ним вместе приехал и шаман Гекчаго.

А матери стало совсем плохо. Она теперь уже не вставала с оленьей постели, не вылезала из мехового одеяла и, еле шевеля сухими губами, все просила пить. Ее надо было немедленно везти в больницу, а отец все возился с этим страшным, нечесаным, грязным шаманом.

„Пять дней, как мать здесь лежит больная, а он только сейчас вернулся“, — думал Питако, и всячески про себя ругал шамана.

Шаман приехал и прежде, чем начать шаманить, два

дня отдыхал — так требовал шаманский обычай. Бедный отец Питако совсем сбился с ног: он то ухаживал за больной, то угощал чаем, маслом и белым хлебом шамана.

Только на третий день шаман приступил к шаманству. Пошаманил ночь, „посоветовался“, как он говорил, со своими выдуманными духами, и приказал отцу Питако убить двух оленей в жертву духам.

— Так требуют духи, — сказал сердито шаман.

„Как же мы теперь будем ездить? — подумал Питако. — Ведь у нас всего пять оленей!“

Но отец Питако побоялся не исполнить приказания шамана. Он поймал двух оленей и убил их. Снял шкуры и повесил их на длинных шестах в жертву духам, а мясом стал угощать шамана.

Жадный шаман, как волк, напал на вкусную оленью грудинку и съел ее всю один. Питако очень хотелось попробовать вкусной оленьей грудинки, а еще больше хотелось угостить ею больную мать. Но он не решался попросить шамана: уже очень злым и страшным казался Питако шаман.

Потом шаман опять принялся шаманить и шаманил подряд две ночи.

„Злой волк, — ругал Питако про себя шамана. — Совсем измучил мою маму“.

А шаман все больше прыгал, все громче орал свои непонятные песни, и стучал, и стучал, не переставая, в свой бубен. Ему помогали подпевать многие взрослые мужчины и женщины стойбища. От этого стука и крика шамана бедный Питако не знал куда деться и, глядя на закрытые глаза и полураскрытые, запекшиеся от жара, губы матери, думал: „Как она, бедная, тяжело это переносит“.

Наконец, на пятую ночь, шаман бросил шаманить и сообщил: духи требуют в жертву еще двух оленей.

Отец не посмел послушаться шамана и принес в жертву еще двух оленей. То были красивые олени — один из них был олень Питако, большой серый бык, который уже не один год носил на своей спине Питако и всегда, бывало, останавливался, когда привязанный к седлу маленький Питако слетал со спины под живот оленя. Второй был олень его матери, которого она очень любила и даже продела в ухо ему красную кисточку.

Выйдя из чума на улицу, Питако долго смотрел на повешенные в жертву шкуры любимых оленей и тихо плакал, растирая по щекам слезы.

Когда Питако вернулся в чум, матери было совсем плохо. Казалось, она вот-вот умрет.

Шаман бросил шаманить, посмотрел на нее и, видя, что она умирает, сказал отцу Питако, что он не сможет выгнать злого духа и вылечить его жену.

— Почему? — спросил шамана отец Питако.

— Потому, — ответил шаман, — что кетский шаман, который послал на твою жену злого духа, ни за какие жертвы не соглашается увести его обратно.

Шаман скоро уехал, взяв плату за камлание и все добытые отцом осенью белки. Прошел день после отъезда шамана. Мать Питако умерла. Ее одели в нарядную одежду, завернули в широкую ровдугу и положили на лабаз на высоких еловых столбах. Питако очень плакал.

У маленького Питако теперь не было мамы, некому теперь было рассказывать ему сказки, некому теперь было голубить и ласкать Питако.

Не было теперь и оленей. Вот они висят, четыре оленьи шкуры, повешенные злым духам. Остался один олень. Но что с ним сделать — с одним оленем — не знаешь: Питако ли сажать, выюки ли навьючивать.

Можно было бы купить оленей, если бы была белка. Но всю белку увез шаман.

В ту же ночь, как только схоронили мать, оба чума снялись с места старой стоянки и перешли на новое стойбище.

Дней через десять на новое стойбище приехал Микчанча. Он был теперь совершенно здоров. Он даже пополнил, пока лежал в больнице.

Увидел Питако Микчанча и еще тяжелей стало ему горе. Теперь он хорошо знал, кто отнял у него маму. Ее отнял шаман. Ведь если бы отец не поехал к шаману, а повез мать в больницу, как сделал это отец Микчанча, то мама была бы жива.

В больнице ее вылечили бы, и она была бы теперь такой же здоровой, как Микчанча.

То же самое думал и отец Питако, глядя на совершенно здорового, пополнившегося Микчанча.

— Это было лет десять тому назад, — сказала учительница. — Но и сейчас еще есть не мало людей, которые верят в шаманов, а иногда и „лечатся“ у них вместо того, чтобы лечиться в больнице. Вот таким людям и нужно рассказать о том, как Питако остался без мамы и терпеливо им разъяснить, какой вред приносят религиозные суеверия и шаманы.

— Либгорик Садаулевна, — сказала девочка Матэя, обращаясь к учительнице, — в прошлый раз Кемури Иванович говорил в нашем классе, что шаманы всегда были верными помощниками кулаков-баев.

— Правильно, — сказала Либгорик Садаулевна. — Шаманы всегда были помощниками баев и врагами бедняков. Помните, что рассказывал у нас в школе дедушка Калтакан про шамана Легалю.

— Помним! Помним! — сказали ребята.

— Либгорик Садаулевна, — сказала Матэя, — дедушка Калтакан и у нас в пионерском отряде рассказывал об этом, и много-много еще рассказывал о том, что он видел раньше.

ЧТО РАССКАЗАЛ ШКОЛЬНИКАМ ДЕДУШКА КАЛТАКАН

— Шаманы всегда служили опорой для баев, — сказал сидевшим подле него школьникам старый безбожник, дедушка Калтакан. — Не только сейчас, но и раньше шаманы были верными помощниками баев. А один из шаманов дошел до того, что, сговорившись с баем, решил обокрасть всю бедноту. Всю белку хотел себе забрать. Жадные были баи.

Калтакан вынул из кармана свою большую трубку, собираясь набить ее табаком да закурить, но вспомнил, что он сидит в школе, что там курить нельзя, и опустил трубку обратно в карман.

— Дедушка, расскажи, — попросили его ребята.

— Ладно, так и быть, расскажу, — сказал Калтакан.

И старый Калтакан, которого ребята очень любили за его умение так хорошо рассказывать сказки, а еще лучше — рассказывать про прошлую жизнь эвенков, рассказал ребятам о том, как шаман и бай один раз обманули бедноту эвенков.

— Это было давненько. Тогда не было еще в тайге советской власти. Тогда я был пастухом у богатого оленевода, — сказал Калтакан, поглаживая вынутую из кармана трубку и любовно поглядывая своими слезящимися от старости глазами на стриженные детские головки и яркокрасные пионерские галстуки.

Потом Калтакан на минутку задумался, видимо, что-то отыскивая в своей памяти.

Ребята подвинулись поближе к дедушке Калтакану и ждали, когда он начнет. Медленно заговорил Калтакан.

* * *

Как медведь из засады, бросились на тайгу первые заморозки, и посыпался золотой дождь лиственничной иглы. Звери оделись в нарядные теплые шубки. Люди стали готовиться к промыслу.

На нашем стойбище было шесть чумов. Большая часть — бедняки, зависевшие от бая, который жил на нашем стойбище.

Собрались мы как-то раз и стали обсуждать, кому и куда итти промышлять.

Подошел тут к охотникам бай и говорит:

— Нам без шамана этого не решить. Откуда мы знаем, куда нынче откочевал зверь и где его зимнее стойбище? А не зная этого, как мы можем решить, куда итти охотиться? Давайте попросим шамана, чтоб он послал своих духов-помощников посмотреть тайгу и узнать, где водится нынче зверь. — И, помолчав немного, прибавил: — всегда так делали наши предки, не будем нарушать этого обычая и мы.

Народ потолковал между собой и согласился. Позвали шамана, наделали шаману деревянных тайменей, гагар, лебедей и разного другого зверья, птиц и рыб и начал шаман шаманить.

Несколько дней шаманил и все рассказывал народу, где и сколько живет зверя.

Удивлялся народ, слушая слова шамана.

И как было не удивляться! По всем охотничьим приметам выходило, что белки по Катанге нынче не будет. Шаман говорит, что Лесной дух-хозяин тайги гонит белку на Катангу. Охотники считали, что вся белка перекочевала к Чунку, а шаман говорит, что оттуда уже угнал всю белку злой дух — Харги.

Поверил народ шаману и стал расходиться по речкам так, как советовал шаман.

— А я, — говорит бай, — пойду на Чунку. У меня тысячи оленей, а на Чунку хорошие ягельники. Пусть на них кормятся мои олени, а промысел мне неважен.

Так и ушел бай один на речку Чунку.

— Ну, прощай, Иркума! — сказала Иркуме девочка Чиярик. — Встретимся в большие морозы, когда кончится промысел. И хорошо же будет тогда жить; на пушнину купим и муку, и масло, и сахар, и цветное сукно на зипунчик, и бисер, и медные пуговицы... — И, садясь на оленей, они продолжали все еще перечислять, что можно купить на добытую пушнину. Потом они махнули друг другу рукой и разъехались в разные стороны: семья Чиярик поехала на речку Юкту, а Иркума поехала на Юктукон.

— Исходил все Юктуконские хребты, — говорил отец Иркумы, возвращаясь поздно вечером с охоты, — а белки нет и нет.

— Прошло уже много дней с начала промысла, а ты еще ничего не добыл, — говорила ему озабоченная его неудачей Иркумина мать.

Долго в ту ночь не ложился спать Иркумин отец. Он все сидел у костра, курил трубку за трубкой и все спрашивал самого себя: как быть дальше?

— Надо принести жертву Лесному, — сказала мать. — Может быть, он и пригонит на Юктукон немного белки.

— Дай, я принесу ему в жертву твой шелковый платок, — сказал отец. — Ты ведь знаешь, что Лесной отвечает только на хорошую жертву.

Мать молчала. Ей до слез было жалко платка. Но делать было нечего. Лучшей жертвы у них не было, и она согласилась.

Наутро они повесили красивый шелковый платок на высокую жердь и стали просить доброго духа тайги — Лес-

ного — чтоб он пригнал на Юктукон зверя. Но это, конечно, ничуть не помогло, и отец Иркумы попрежнему возвращался домой почти с пустыми руками.

Тогда он решил поехать к шаману. Ведь шаман советовал осенью промыслять к Юктукону.

Приехал он к шаману и стал рассказывать про свой неудачный промысел.

— Даже жертва Лесному не помогла, — говорит Иркумин отец шаману. — Что же мне теперь делать?

Подумал шаман, сощурил глаза и говорит:

— Я хорошо знаю, что Лесной гнал на Юктукон много белки. И если белки все же нет, то значит, что-то случилось.

— Что же случилось? — спрашивает Иркумин отец шамана.

— Видно, что злой дух Харги узнал, что ты собираешься промыслять на Юктуконе и угнал с Юктукона все стада белок. Харги, видно, перехитрил.

— За что же сердит на меня Харги? — спросил шамана Иркумин отец.

— Не знаю, — ответил шаман.

— Что же мне делать? — снова спросил шамана отец Иркумы.

— Если злой дух Харги оказался сильнее доброго, — сказал шаман, — то ты теперь должен принести жертву Харги и просить его, чтобы он пригнал твою белку обратно. Попробуй дать ему оленя, — посоветовал шаман.

Отец Иркумы приехал домой и сделал так, как велел шаман: убил оленя, снял шкуру и повесил ее на высокий шест подле чума в жертву Харги.

Теперь подле чума висела уже не одна, а две жертвы: одна доброму духу тайги, у которого просили, чтобы он дал белку, вторая — злему духу тайги, перехитрившему первого и „угнавшему“ белку от охотника.

Но сколько ни просили люди, — ни бог, ни дьявол не помогли.

А запасы продуктов кончались. Их нужно было пополнять. Но на что покупать? Добыто не больше полусотни белок.

К чуму подбирались нужда и голод.

— От такого промысла можно с голоду умереть, — говорил Иркунин отец, измученный неудачей.

Вдруг к чуму подъехал Чивакан.

— Что ты сидишь на Юктуконе! — крикнул Чивакан Иркунину отцу и быстро спрыгнул с седла.

— Ведь шаман-то с баем обманули нас, — сказал Чивакан. — Об этом узнали уже все эвенки, и все, кто охотился по левой стороне Катанги, ушли на другие места. Бросай Юктукон да переходи на другое место, если не хочешь остаться без белки, — посоветовал Чивакан, войдя в чум.

— Много ли всего добыл? — спросил Чивакан, садясь в чуму на оленью шкуру и принимаясь тупым концом ножа сбрасывать приставший к меховым сапогам снег.

— Не более полусотни, — ответил Иркунин отец. — Нынче, брат, плохой промысел, — добавил он.

— А вот у бая промысел совсем не плох, — сказал Чивакан. — Да и что ему не промышлять, когда у него вся белка: на Чунку белок больше, чем шишек в тайге, — и Чивакан рассказал ему, как шаман помог богачу украсть белку у бедняков.

— Бай, — рассказал Чивакан, — послал своих батраков на устье Чунку ловить рыбу и наказал им строго-настрого, чтобы они все лето наблюдали за тем, куда откочевывает белка. То же самое делали его пастухи, кочевавшие со стадами по тайге.

Когда пришло время промысла, бай точно знал, что вся белка перекочевала на Чунку. Он позвал к себе шамана

и сказал ему, чтобы тот уговорил народ не ходить промышлять на Чунку.

— Ты скажи им, что духи велят всем итти на левую сторону Катанги, — говорил шаману богач, угощая его вкусными оленьими языками.

Так и сделал шаман. И остались бедняки без промысла.

Голодно стало жить. И невесело стало на стойбище. Выли отощавшие собаки, сердились на свою глупость люди, а маленькие дети плакали от голода и просили есть.

Горько плакала Иркума. Да и кто не заплакал бы на ее месте: все, что ей после промысла хотели купить на пушнину — и зипунчик, и конфеты, и вкусную белую лепешку, — все это отобрал от нее шаман и отдал богачу.

— Все, все, отобрал злой шаман, — шептала про себя сквозь слезы Иркума в то время, как мать варила для еды болтушку, подсыпая истолченный в порошок нижний слой древесной коры.

Наутро они собрались и вместе с Чиваканом поехали со своим чумом на правый берег реки Катанги. На новом стойбище, куда их привел Чивакан, оказалось вдоволь белки. Иркунин отец, промышляя, по нескольку дней не приходил в чум. Спал в снегу у костра. Кончал охоту впотьмах, а чуть свет утренней зари посветлит тайгу, — надевал свои широкие охотничьи лыжи и вновь принимался обегать тайгу, разыскивая по следу маленького пушистого зверька — белку. Так он старался наверстать упущенное время.

Сильно рассердились охотники на подлую проделку шамана и хотели его судить своим старым обычаем. Но за шамана заступился бай. Всяческими путями старался бай оправдать и защитить шамана. А так как кочевавшая с ним беднота была у него в кабале и от него зависела, то бай не постеснялся и погрозить охотникам.

Так шаман и бай помогали друг другу и защищали один другого.

Поругали охотники шамана да бая, да так и плюнули.

* * *

— Что сделаешь с баем? Тогда вся сила и власть была в их руках, — сказал Калтакан и замолк.

Потом, передохнув минуту, добавил:

— А чтоб баям легче было угнетать народ, шаманы и бай всячески натравливали один род на другой, вроде того случая на речке Ниручан.

— Дедушка, расскажи, — попросили Калтакана ребята.

Калтакан набил табаком трубку, и, улыбаясь, сказал: — вот выкурю трубку, тогда и расскажу. — И с этими словами дедушка Калтакан вышел из комнаты.

Выкурив трубку, он вернулся к ребятам и рассказал им о случае на речке Ниручан.

СЛУЧАЙ НА РЕЧКЕ НИРУЧАН

Кончились большие морозы. Вырос день и убавилась ночь. В чуме стало теплей и не так дымно.

Приближалась весна и радостней стало жить людям в тайге.

Солнце теперь стало просыпаться раньше и дольше не ложилось спать. Рано утром поднималось оно на хребет и, взбираясь по голубому небу, принималось светить и греть, оттаивая закочневшую от морозов тайгу.

И чем дальше, тем сильней грело солнце, и все больше оживала тайга.

Лес умылся оттаявшей кухтой и, сбросив ее на землю, засиял темной зеленью пихты и кедра. Глубже надвинули горы

свои снеговые шапки. Осел в тайге отяжелевший от воды снег, и в чум стали пробираться первые капли весенней воды.

Река сбросила с себя посиневший лед. Затем вздулась от нахлынувшей с гор воды, вышла из своих высоких берегов и погнала мелкий битый лед, побрякивая им, как олений караван бубенцами. А стаи гусей, уток и лебедей все летели и летели вверх по реке и не смолкая вторили своим криком этому звону.

— Вот она, пришла, — долгожданная весна! — говорили люди и начинали приступать к рыбному промыслу.

Шумно и многолюдно было стойбище на речке Ниручан. Рыбная была эта речка и много сходилось рыбачить сюда народа. Сюда пришли рыбачить и Альдынча с Атаулем. Вместе они кочевали зиму, вместе решили и весновать.

На стойбище Ниручан они поставили свои чумы рядом и вместе с другими эвенками — старыми знакомыми — принялись ловить рыбу.

Дружно и весело жило стойбище.

— Копкончо! Копкончо! — закричала девочка Товшарик стрелявшему из лука Копкончо. — Пойдем скорее ко мне. Я тебе покажу большого тайменя. Сегодня ночью мой папа поймал большого тайменя. Пойдем, я тебе его покажу!

— Вот если бы на мой крючок попал такой же большой таймень! — говорил Копкончо, следуя за Товшарик в ее чум.

— Вот если бы твою наживу не объедали — смеясь, ответила Товшарик, — то ты, наверно, поймал бы тайменя. Тоже рыболов, — и рассмеявшись еще громче, полезла в чум, увлекая за собой Копкончо.

Много лет их семьи кочевали вместе, не одной парой чумовиц отмечен их путь в тайге. В этих совместных кочевках и сложилась их дружба, которая с каждой новой стоянкой становилась все сильней и сильней, пока не приехал на

стойбище шаман и не поссорил людей. И стойбище Ниручан стало с тех пор их последней совместной стоянкой.

Началось с того, что заболел их сосед по стойбищу — парень Чоргончо, которого перед тем только что вывернул из лодки в воду огромный таймень. Чоргончо стал вытаскивать тайменя из сети в легкую берестяную лодку, а таймень взмахнул хвостом, выдернул Чоргончо из лодки и потащил его за собой в воду.

Чоргончо спасли. Но он так промерз, плавая в холодной, как лед, воде, что вскоре заболел и так сильно, что казалось вот-вот умрет. Отец Чоргончо поехал к своему родовому шаману Бокото и привез его на стойбище, чтобы тот пошаманил над больным сыном.

Отдохнув пару дней и покушав вдоволь рыбы и дичи, шаман принялся шаманить над больным Чоргончо.

— Сейчас, — говорит шаман, — я пошлю своих духов разузнать, какой дух поедает Чоргончо. Мои духи пойдут как собаки по следу Чоргончо и найдут злого духа.

Так и разыскивал шаман целую ночь злого духа, посылал своих помощников-духов по старым стоянкам, где кочевал Чоргончин отец.

На вторую ночь шаман сообщил, что его духи-помощники поймали злого духа и огородили его кругом непроходимой изгородью, а шаманская торко (расщеп) к тому же взяла да и приколола его к земле: не вырвется злой дух.

На следующую ночь шаман сказал людям, что он прогнал из Чоргончо духа болезни, и что он даже знает, кто этого духа послал на их стойбище.

— Скажи, кто? — спросил шамана народ.

— Духа болезни, — сказал шаман, — послали на ваше стойбище шаманы из рода Лопоколь — шаман Микоуль и шаман Дедулько.

— Берегитесь, Куркагиры! — стал стращать шаман народ. — Лопоколи вас всех перебьют. Через своих шаманов они будут вести с вами войну и, посылая на вас духов, будут вас убивать.

Поверили люди своему родовому шаману и сильно разозлились на Лопоколей.

— Народ, — крикнул Чульдуча, — среди нас есть один человек из рода Лопоколь! Вот, смотрите, стоит Атауль!

— Не троньте Атауля, — сказал Альдынча, который был Куркагиром, — он не виноват.

— Нет, виноват! — сказал шаман. И Куркагиры, набросившись на Атауля, прогнали его со стойбища, а вместе с ним ушла и Товшарик.

Так люди, жившие раньше мирно и дружно, стали теперь врагами друг другу и готовы были друг друга побить. И все виноват шаман.

— Что Куркагирам плохого сделала Товшарик? — спрашивал Копкончо своего отца. — Разве тебе и твоим сородичам Атауль сделал что-нибудь плохого?

— Они были хорошими людьми, ой, какими хорошими людьми были они, Копкончо! И мне так жалко их, — ответил отец.

— Так почему же вы их прогнали со стойбища? — спросил Копкончо своего отца.

— Это все чортов шаман виноват. Он натравил людей на Атауля, — сказал отец Копкончо. — Эту хитрую росомаху-шамана, а не Атауля надо было прогнать со стойбища. Прошлым летом куркагирские шаманы поссорили Куркагиров с кетами (остяками); осенью они поссорили Куркагиров с Момолями, а нынче шаман Бокото поссорил их с Лопоколями. Так все время и идет родовая вражда, — сказал Альдынча.

* * *

— То, что рассказал нам в школе приехавший из тайги дедушка Калтакан, — сказала учительница сидевшим подле нее ребятам, — показывает, что религия и шаманы всегда помогали баям и были их пособниками и опорой.

После Великой Октябрьской социалистической революции изменилась жизнь в тайге. Советская власть — власть трудящихся — устроила в тайге у эвенков новый порядок, новую жизнь — „Закон счастья“, как его называли эвенки. Баям-кулакам и шаманам нелюб был новый порядок, потому что он лишил их власти в тайге, освободил из-под их кабалы и гнета эвенкийскую бедноту. Кулаки и шаманы повели борьбу против эвенкийского народа и советской власти. Помощником в этой борьбе они выбрали суеверие эвенков.

Вы знаете, как шаманы и баи боролись против нашей школы. Вы знаете, как шаманы и баи боролись против больницы. Вы знаете, как они боролись против нашего Райисполкома и национальных советов. Мы уже много раз об этом говорили в школе. Вот об этом и нужно рассказывать верующим, показывая им, какой вред приносят религия и шаманы, — добавила учительница и поднялась с места, намереваясь тронуться в обратный путь.

Меня, сидевшего с ними вместе на поляне, заинтересовали последние слова учительницы. Я попросил учительницу и ребят еще немного посидеть здесь и рассказать мне об этих случаях.

Учительница охотно согласилась исполнить мою просьбу, и ребята наперебой принялись мне рассказывать об известных им событиях. Говорили то все сразу, то перебивая друг друга, да так быстро, что я с трудом поспевал за ними записывать.

Вот что они мне рассказали.

КАК ШАМАНЫ БОРОЛИСЬ ПРОТИВ ЭВЕНКИЙСКОЙ ШКОЛЫ

В 1929 году в Баякитский эвенкийский район приехал первый учитель.

Был он человеком среднего роста, с безусым румяным лицом, простой и веселый комсомолец и имел от роду всего девятнадцать лет.

На первой эвенкийской фактории — Кузьмовке — молодой эвенкийский учитель впервые встретился с эвенками.

Встретившись, поздоровались, набили свои трубки табаком, не спеша закурили и также не спеша принялись за разговор.

Эвенки, не скрывая своего удивления, рассматривали с ног до головы приезжего человека. Удивлялись не тому, что он поздоровался на их родном языке. Это умели делать и многие другие. Дивились тому, как молодой учитель медленно, не торопясь, подбирая в памяти нужные слова чужого языка, заговорил с ними на их родном эвенкийском языке.

Очень понравился эвенкам учитель. Широко улыбаясь, они любовно похлопывали его по плечу, угощали своим табаком и пробовали его табак.

Наконец, пригласили к себе в чум и угостили, чем были богаты.

— А откуда ты знаешь наш язык? — спросил учителя один из стариков.

Гость объяснил, что он занимается изучением прошлой и настоящей жизни эвенков и с языком познакомился еще в Ленинграде. Из Ленинграда он и приехал к эвенкам. Он организует школу и будет учить эвенкийских детей.

До глубокой полночи проговорили, сидя в чуме, а разговорам все не было конца.

Наутро молодой учитель уехал. Он поехал дальше вверх по реке, спеша еще до заморозков добраться до районного центра.

Там он должен был организовать первую эвенкийскую школу. Вслед за ним побежала по всей тайге весть о том, что к эвенкам едет учитель.

Из уст в уста передавали люди рассказ о первом эвенкийском учителе. Рассказ как эхо раздавался по тайге.

На Полигусе — следующей после Кузьмовки эвенкийской фактории — об этом первыми узнали пастухи одного из богатей-оленоводо-в; они кочевали со своими стадами ближе всех к кузьмовским эвенкам. От пастухов узнали новость хозяин-бай и гостивший у него большой шаман.

Задумались жадный бай и хитрый шаман, услышав эту весть от пастухов.

— Темных неграмотных людей легче обманывать, — говорил бай шаману, — легче их запугивать и угнетать.

— Верно ты говоришь, — отозвался на слова бая шаман. И они сговорились, как навредить учителю и его школе.

— Надо убедить людей, чтоб они не отдавали своих детей в школу, — говорил бай.

Шаман с ним соглашался и кивал головой, грызя вкусную оленью грудинку.

Вскоре шаман уехал, а баю сказал, чтобы он запретил своим пастухам рассказывать то, что они слышали от кузьмовских эвенков.

— Почему нельзя рассказывать такую замечательную весть? — спрашивали себя пастухи.

Но хозяин им ничего не говорил и только еще раз наказал, чтобы они держали язык за зубами.

Через несколько дней шаман устроил на своем стойбище большое шаманство. Он послал специальных гонцов, чтобы сообщить об этом народу. Те ездили верхом на оленях от стойбища к стойбищу и извещали людей о предстоящем шаманстве.

Народа на шаманство собралось много.

Пошаманил шаман, пошаманил, отдохнул, — вновь пошаманил, а потом стал гадать на оленьей лопатке и узнавать судьбу людей, да сообщать людям от имени своих духов-помощников последние новости.

Тут и рассказал шаман эвенкам, что к ним идет учитель, который будет учить эвенкийских детей. Шаман даже описал наружность учителя: говорит приедет человек среднего роста и очень молодой. Лицо у него русское, а говорит он и по-русски и по-эвенкийски.

Шаман рассказал все, что знал от байских пастухов. Только одно не сказал шаман: не сказал народу о том, что этот рассказ слышал он не от духов, а от пастухов бая.

Шаман попросил трубку. Ему подали раскуренную трубку. Шаман прервал свой рассказ и медленно стал курить ее.

Лыбопытство у людей разгоралось. Они с нетерпением ждали, когда шаман продолжит свой рассказ. Шаман это знал и медлил с рассказом. Наконец он, затянувшись несколько раз подряд, передал трубку, потрянул головой и стал продолжать рассказ.

— Мои духи, — сказал шаман, обращаясь к народу, — приказывают вам не отдавать своих детей в школу. Духи велели мне сказать вам, если вы отдадите своих детей в школу, то они все у вас погибнут. Помните, — страшал шаман, — отдавая детей в школу, вы будете отдавать их на верную гибель.

— Почему? — спрашивали слушавшие его эвенки.

— Да как же, — отвечал шаман. — Вот посудите сами, — и шаман стал агитировать их против школы.

— В школе костер будет? — спрашивал шаман.

— Нет, — отвечал народ.

— В школе печи будут топиться? — спрашивал опять шаман.

— Печи, — отвечали люди, не понимая, зачем он их об этом спрашивает.

— А дух-хранитель людей и чума где живет? В жерди очага? — опять спрашивал шаман.

— Да, — отвечали эвенки, верившие, что существует дух-хозяин огня.

— Вот то-то вам и говорят мои духи, что пропадут ваши ребята, если вы их отдадите в школу. Ведь в печах школы дух-хранитель огня и чума жить не будет, — убеждал шаман. — Ведь духи-покровители и хранители чума не пойдут жить в школу вместе с вашими ребятами. Дух-хранитель очага и чума не пойдет вслед за вашими ребятами в школу и не будет вместо костра жить в русской печке. Кто же тогда будет хранить ваших ребят от злых духов? Потому всех ваших ребят, как только вы отдадите их в школу, съедят злые духи болезней.

Долго агитировал шаман слушавших его эвенков.

— Запомните это, — сказал шаман, — и передайте об этом всем другим.

И многие эвенки, верившие в духов-хранителей, поверили шаману и решили ни за что не отпускать своих детей в школу.

Они не знали, что никакого духа-хранителя очага нет и не было его никогда, так же как никогда не было никаких злых духов болезней. Они не знали, что все это одни религиозные суеверия, что, стало быть, смешно их бояться и верить рассказам шамана.

Они не знали этого, верили во всяких духов-хозяев и потому поверили шаману.

А когда приехал учитель, и эвенки увидели, что он дей-

ствительно очень молод, среднего роста, говорит по-эвенки-ски, то есть, выглядит так, как описывал шаман, — они еще больше поверили словам шамана.

Они не знали, что все подробности об учителе шаман узнал из рассказов кузьмовских эвенков, а отнюдь не от духов.

Шаманы один за другим стали устраивать шаманства и агитировать людей против школы. А один шаман, устроив большое шаманство на реке Тайге, договорился до того, что велел эвенкам не пускать учителя в тайгу и не давать ему оленей.

Сколько ни старались шаманы сорвать работу школы, им не удалось: школу все-таки открыли и набрали учеников.

Но для этого пришлось провести большую разъяснительную работу и выдержать большую-большую борьбу.

Молодой комсомолец-учитель, договорившись с Рай-исполкомом, купил через кооперацию оленей, обзавелся инвентарем, необходимым для кочевой жизни в тайге, и поехал вглубь тайги к эвенки-ским кочевьям. И там, среди глухой тайги, в дымном эвенки-ском чуме он открыл первую эвенки-скую школу.

Упорно и терпеливо вел свою разъяснительную работу учитель, разоблачая перед народом шаманскую ложь.

Сильно полюбил народ комсомольца-учителя, и, как ни ругали его шаманы, эвенки его считали своим близким, родным человеком и во всем ему верили.

Во вторую половину зимы учитель и его ученики оставили свой дымный чум и приехали во вновь отстроенную школу.

* * *

— Но шаманы и сейчас не перестали бороться против школы, — сказала сидевшая недалеко от меня девочка Чия-

рик. — Только они теперь это делают более хитро и исподтишка распространяют про школу разные клеветнические слухи.

— Шаманы также боролись и против нашей больницы, — сказал, обращаясь ко мне, мальчик Шиварчо. — Только больница у нас организовалась раньше, чем школа. Первый врач приехал к нам на целый год раньше учителя. . .

И ребята рассказали мне, как к ним приехал первый врач и как шаманы боролись против больницы.

ЛЮТЫЕ ВРАГИ ЭВЕНКИЙСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

Это было в 1928 году.

Осень подходила к концу. С каждым днем все ближе чувствовалась зима. Серые дождевые тучки закрывали вершины гор, и беспрестанно лил мелкий дождик.

Мелкий надоедливый дождь моросил утро, день и ночь, моросил до следующего утра, а там, передохнув минутку, начинал моросить снова. Кругом было серо, холодно, мокро, и ничего нельзя было толком разглядеть впереди.

Холодный осенний ветер пробегал по верхушкам поредевшей тайги, спускаясь с горных хребтов к скалистым берегам реки. Он с присвистом летел по широкой реке, пронизывая до костей путника, коченевшего от сырости и холода.

Уныло, пустынно выглядела большая порожистая река Подкаменная Тунгуска. Кругом хребты и непроходимая тайга. Сверху на хребты наседали серые тучи, а по берегам стояли черные скалы. На сотни верст — ни одного жилья, ни одного дымка, ни одного человеческого голоса.

Снизу, за поворотом реки, показалась маленькая черная лодочка. Люди, тащившие лодку, напрягали все свои силы,

волоча ее. Они срывались со скользких камней, падали, вновь поднимались, упираясь получше ногами в выступы скалистого берега, налегали посильней на ляжки и тянули лодку вверх по реке.

В лодке сидела девушка, одетая во все кожаное. Мужчина правил лодкой, а еще двое мужчин за длинную тонкую веревку тащили ее по порогам и шиверам вверх по реке.

Девушка, помогавшая ему управлять лодкой, была молода. Она только что окончила университет, стала врачом. Она ехала в глухую тайгу с тем, чтобы организовать больницу и обеспечить население тайги медицинской помощью.

Отряд ее уехал еще с лета. А она немного задержалась в городе, дожидаясь дополнительного оборудования. Теперь в маленькой лодочке пробиралась она через страшные огромные пороги и шиверы, стараясь добраться до места раньше, чем станет река.

Целых тридцать дней шли они, не переставая, вверх по реке. Перегаскивали с великим трудом свою лодочку по бушующим валам семиверстных порогов.

Тридцать дней кочевали под проливным осенним дождем, сушились у костра. Тут же пили чай, обедали и спали холодными ночами, завернувшись в меховое одеяло, покрываясь поверх него брезентом, чтоб не мочил дождь.

Так они прошли по скалистым берегам пустынной реки свыше шестисот километров. За это время они много раз встречались с медведями. И только три раза встретились с людьми, — на трех факториях.

Когда появились широкие забереги и стал падать большими хлопьями снег, путь подходил к концу. Но в одну из ночей, когда путники спали, река стала. Лодку и людей густо запорошило снегом. Когда они проснулись, увидели, что другого выхода не оставалось, как идти пешком.

Вот, наконец, пройдены последние километры пути, за поворотом реки улыбнулись из темноты ночи первые огоньки, залаяли собаки, послышались человеческие голоса...

„Трудности остались позади“, — думала молодая девушка. Но это было не совсем так: трудностей еще много было впереди.

Не успела как следует наладиться работа больницы, как шаманы повели против нее бешеную агитацию.

На своих шаманских камланиях они агитировали эвенков, чтобы те не ходили в больницу и не лечились у врача, а самое главное — не ложились в больницу лечиться.

— Когда человек умирает, куда он отправляется жить? — спрашивали шаманы людей.

— В страну мертвых уходит, — отвечали верующие люди.

— А если человек умрет в больнице, — говорили шаманы, — он никогда не найдет дороги в мир мертвых. Его заберут русские духи, сделают своим пастухом-батраком, и он уже никогда не попадет в мир мертвых.

И жутко становилось людям, которые верили в это. И если доводилось им или кому-нибудь другому из эвенков заболеть, они ни за что не хотели ни ехать сами, ни отправлять в больницу других.

А на самом деле это были выдумки самого человека. Никакого мира мертвых никогда не было. Первые люди не знали, как устроено их тело, почему человек живет, почему он умирает. Либгорик Садаулевна уже рассказывала, что жизнь их была очень трудной. У первых эвенков не было ружей. Они убивали зверей каменными топорами, а чаще их самих убивали звери. Все неудачи на охоте и в жизни люди стали объяснять тем, что это есть козни злых духов. Они думали, что в зверях, в скалах, порогах живут злые духи, что эти духи вредят человеку, отгоняют зверей, что они

входят в человека и едят его душу или уносят душу из тела. Так люди придумали душу человека.

Раз была придумана душа, надо было придумать и место, где она живет, покинув тело. После смерти человека люди продолжали видеть покойного во сне. Поэтому они стали считать, что души, оставив человека, продолжают жить так же, как люди живут на земле. Вот и придумали мир мертвых. Это и называется религиозными суевериями. Когда появились шаманы, они укрепили эту веру людей.

И теперь шаманы эти суеверия использовали для агитации против больницы. Они прекрасно понимали, что больница своей работой по лечению людей опровергает многие религиозные суеверия. Они знали хорошо: если будет больница, они не смогут обманывать людей, не смогут наживаться и притеснять эвенков.

Трудно было работать молодому врачу-девушке.

Эвенки ее очень любили, но не слишком-то верили в ее лекарства и не желали лечиться в больнице.

Но девушка-врач не терялась. Она, не покладая рук, работала и старалась привить людям любовь к советской больнице.

Вначале было не легко затащить больного в больницу. Но с каждым вылеченным больным больница начинала в глазах эвенков пользоваться все большим и большим уважением.

Объезжая как-то раз эвенкийские стойбища в тайге, девушка-врач обнаружила в одном из чумов стойбища тяжело больную пожилую женщину.

Как сообщили эвенки, женщина эта уже много лет болеет и не встает с постели. От нее очень пахнет.

От нее все отступились и считают ее „нечистой“. Ее лечили все шаманы и никто из них не мог вылечить.

Девушка-врач взяла больную женщину с собой в больницу. Там женщина поправилась и стала совершенно здоровой. Все считали ее обреченной на смерть, а врач в больнице ее вылечил...

— Вот диво-то, — говорили люди. — Врач сильнее всех шаманов, — заключали другие, осматривая со всех сторон выздоровевшую женщину.

И пока та добиралась до своего стойбища, ее на каждом встречном стойбище останавливали, приглашали попить чайку. Пока та пила чай и кушала, ее обстоятельно расспрашивали о том, как ее лечил русский врач. Рассматривая ее, с удивлением отмечали, что от старой болезни нет и следа.

— Все шаманы меня лечили и сказали, что меня никогда не вылечат, — говорила им выздоровевшая женщина, — а вот в больнице меня поправили, вылечили.

— Напрасно мы верили шаманам, — говорили слушавшие ее эвенки, — надо и нам не у шаманов, а у врача лечиться.

Этот случай сильно поколебал веру в шаманов и укрепил у эвенков уважение к врачу и больнице.

Не успели еще закончиться по тайге разговоры об этом замечательном случае, как однажды вечером на всем скаку подлетело к больнице несколько заседанных оленей.

На одном из них сидел пожилой мужчина-эвенк, вооруженный ружьем и пальмой, а остальные шли пустыми и видимо предназначались для каких-то седоков.

Спрыгнув ловко с оленя и привязав всех оленей к дереву, мужчина быстро прошел в больницу и направился прямо в кабинет врача. Случилась большая беда.

Врач посадила мужчину на стул, успокоила его и попросила подробно рассказать, что же такое случилось у него в чуме.

— Моя старшая дочь, — говорил приехавший мужчина, — сидя подле очага чума, вынимала из турсука коробки с порохом. Одна из коробок выскользнула из ее рук, упала в очаг и взорвалась. Пламенем взрыва сожгло девушке все лицо, голову и руки. Чум тоже сгорел... Моя дочь очень кричит, ей очень больно... Шаманы отказались ее лечить, сказали, что они не могут ее вылечить, потому что ее наказал сам дух чумового очага. Но я знаю, что ты сильнее шаманов и не боишься духа чумового очага. Ты вылечишь мою дочь. Поедем со мной в тайгу, — просил приехавший эвенк.

— Олени есть? спросила его девушка-врач.

— Есть, — поспешил ответить мужчина. — Приехал на лучших оленях. Умные олени, быстроногие, — быстро тебя донесут до стойбища.

Врач и ее медицинская сестра быстро оделись в дорогу. Сели на оленей и вместе с приехавшим мужчиной поехали в тайгу на стойбище к больной.

Через месяц больная девушка вышла из больницы. Теперь она была совершенно здорова. На ее лице выросла нежная розовая кожа. Отросли брови и ресницы, выросли на голове волосы. Руки тоже зажили и от ужасного ожога нигде не осталось следа.

Этот случай еще больше поразил эвенков. Девушку не переставали расспрашивать и рассматривать. Но сколько ни рассматривали, не могли обнаружить следов огромного ожога.

— Да, — говорили люди, — это не то что наши шаманы! — И заключали:

— У врача надо лечиться, а не у шаманов.

После того эвенки уже не боялись больницы. Они охотно обращались к ее помощи всегда, когда чем-нибудь недомогали.

— Но шаманы, — сказали мне ребята, — не переставали бороться против больницы. Они и сейчас еще все агитируют против больницы. Но народ им уже не так верит. Ведь сами-то шаманы теперь тоже в больнице лечатся.

— Особенно сильно шаманы боролись против коллективизации, — сказал пионер Маяче.

— Кулаки да шаманы немало напакостили нашим колхозам, — сказал другой пионер-школьник.

И ребята рассказали мне, как у них в районе кулаки и шаманы вели свою подлую борьбу против колхозов.

БОРЬБА ШАМАНОВ ПРОТИВ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Только к глубокой полночи пастухи и председатель колхоза эвенк Мигляуль кончили сбор колхозного оленного стада.

Наступала весна, важенки должны были скоро начать телиться. Колхозники должны были огородить важенок, охранять их, чтобы те хорошо отелились. Это дело сильно заботило всех.

— Молодцы ребята, — сказал председатель колхоза (производственного объединения), обтирая со лба бежавший ручьем пот. — Всех оленей разыскали и собрали. Молодцы пастухи, — похвалил он колхозных пастухов.

Председатель сбросил с ног лыжи, присел на сухую валежину и стал набивать табаком свою трубку. К нему подъехали пастухи и тоже стали раскуривать трубки, обтирая рукавами стекавший на глаза пот.

Покурили, отдохнули, встали снова на свои короткие широкие лыжи и пропали в темноте тайги, направляясь к себе в чум, где жили пастухи.

— Скоро глухарь запоет, а там, глядишь, тронется и река, — сказал пожилой пастух, допивая последнюю чашку

крепкого кирпичного чая. Но ему никто не ответил. Он посмотрел на товарищей, что лежали в ночных меховых мешках и убедился, что они спят и не слышат его.

— Устали, — сказал он, — и положил чашку и блюдце в кожаную сумку. Подбросил в костер немного дров и тоже полез спать в меховой мешок.

Через несколько минут в чуме все спали...

...Посветлело. Слегка поредела темная сплошная стена тайги. Стали видны вначале ближние, а потом и дальние деревья. Темнота отступала вглубь тайги и, точно прячась за деревья, убежала и скрылась где-то далеко в глубокой расщелине скал.

Из-за высокой горы, прикрытой шапкой блестящего снега, засветился нежный розовый свет зари. Он медленно разливался по небосклону и румянил белые плывущие по небу облака. Забираясь на самую вершину снежной шапки высокой горы, он, казалось, медленно струился по ее сверкающим снежным граням.

В тайге все насторожилось, готовое вот-вот проснуться и залиться радостной утренней песней. Но никто не просыпался. Утро только еще приближалось. Ветер совсем запал. Тайга досыпала последние минуты.

Вдруг из тайги донеслось торопливое пощелкивание оленьих копыт и чей-то голос, погонявший оленя.

Собаки, лежавшие в снежных норах подле чума, вытянули головы, прислушались. Потянули носом воздух и, почувствовав запах ехавшего на олене человека, вскочили на ноги и залились громким лаем.

Олень, высунув от усталости язык и тяжело дыша, подбежал к чуму. Человек, приехавший на олене, ловко спрыгнул с седла. Привязал оленя за повод к дереву и быстро вошел в чум.

В чуме зажгли костер, кто-то набил снегом чайник и поставил кипятить чай.

Приезжий—молодой комсомолец Садауль, бригадир охотничьей бригады—снял с себя меховую парку и сел погреться к костру.

Вокруг него сидели председатель колхоза и колхозные пастухи. Они с трудом раскрывали отяжелевшие от сна веки и слушали приезжего, стараясь не проронить ни одного слова.

— Подлый шаман,—рассказывал приезжий,—приехал со своим чумом к нам на колхозное стойбище и устроил у себя в чуме шаманство. Вот уже второй день, как шаманит шаман и агитирует людей, чтоб они выходили из колхоза. Надо ехать на стойбище,—сказал он, обращаясь к председателю,—и разоблачить врага.

Пока Садауль и Мигляуль пили чай, готовясь в путь, двое пастухов сбегали на лыжах в тайгу. Поймали для Мигляуля хорошего ездового оленя и привели его к чуму.

Мигляуль заседлал оленя. Садауль поправил седло у своего оленя. Затем, простившись с пастухами, они ловко вскочили на оленей и быстро исчезли в тайге.

Когда Мигляуль с Садаулем подъехали к стойбищу, шаманство в чуме шамана подходило к концу.

Мигляуль и Садауль незаметно вошли в чум, где шаманил шаман. Шаман их не заметил и продолжал агитировать людей.

— Мои духи,—говорил шаман,—просят сообщить вам, что вас ожидают большие несчастья. С тех пор, как вы стали колхозниками, вас непрерывно преследуют духи.

Шаман на минуту замолк. Подумав немного, он продолжал:

— У вас в колхозе все переменялось. Работаете вы вместе, живете тоже почти что вместе, оленей пасете вместе... Где тут разобрать духам-покровителям чума и оленей, где

чье хозяйство? Перемешались у вас в колхозе все духи-покровители семьи. Ой, горе вам будет за это, люди!—громко кричал шаман.—Перепутавшись, раздерутся теперь ваши семейные духи и пропадете вы все от своего колхоза!

— Врешь, шаман!—крикнул громко ему Мигляуль.

— Не верьте ему, эвенки,—сказал Мигляуль, обращаясь к народу.— Не слушайте его! Это наш подлый враг. Он хочет развалить наш колхоз, хочет вернуть нас к старой проклятой жизни. Он хочет, чтобы мы по старому жили, низко кланяясь кулакам да шаманам. Шаман сочиняет и распространяет разные небывлицы, вроде тех, что говорил вам сейчас. Все это для того, чтобы, используя религиозные суеверия эвенков, помешать им строить новую счастливую жизнь. Знайте, что этот негодяй шаман, который здесь наставляет вас, давно вредит нашему колхозу. Вы знаете, что эта хитрая лиса—шаман—намеревался вместе с кулаками уничтожить наше оленье стадо! Они подкрались к стаду, разогнали всех важенок и на лыжах долго гоняли их по глубокому снегу, чтобы важенки не могли хорошо отелиться. Мы это теперь точно знаем. Собирая оленей, мы наткнулись на след лыжницы и узнали чьи это лыжи, узнали, кто разогнал наши оленьи стада!

Мигляуль созвал у себя в чуме собрание колхозников и подробно рассказал им о проделках шамана. Эвенки решили шамана со стойбища прогнать, а Мигляуля и Садауля послать на оленях в район, чтобы те рассказали подробно в районном исполнительном комитете о вредительской работе шамана.

Когда летом шамана и его помощников-кулаков судил суд, то выяснилось, что они пакостили и вредили не одному их колхозу.

— Но шаманы и сейчас еще не перестали бороться против колхозов,—сказала Укширик. Вот не так давно—в 1935 году были разоблачены проделки шаманки...

* * *

Шаманка эта кочевала со своим чумом по реке Чуне. Перебравшись на одно из больших эвенкийских стойбищ, начала различными способами шаманить.

Каждое шаманство шаманка кончала тем, что, всячески страшая людей, уговаривала их не вступать в колхозы, не отдавать в школу детей, — и многое другое.

Когда шаманка увидела, что народ не верит ей, она всячески старалась обмануть людей.

— Вы не верите, что ко мне приходят духи и велют мне сказать вам, чтобы вы не вступали в колхозы? Вы не верите этому? Тогда смотрите сегодня ночью на мой чум и все увидите, как духи приходят ко мне и творят разные чудеса.

Вечером шаманка становилась на средину чума и начинала бросать через дымовое отверстие чума горящие угли и даже целые головешки.

Народ смотрел из своих чумов на чум шаманки и удивлялся тому, что видел. И многие поверили словам шаманки.

На следующую ночь она незаметно вышла из своего чума и наделала на снегу различных загадочных следов.

Наутро люди увидели эти загадочные следы, идущие от чума шаманки к их жилищам, и пошли к шаманке просить разъяснений.

— Это к вам духи приходили, — говорила им шаманка. — Они просили передать вам, что если вы не будете меня слушать, они придут в следующий раз и съедят вас всех.

Тут уже люди действительно испугались и совсем было потеряли голову.

Долго не спалось им на следующую ночь. Люди, которые верили шаманке, боялись нового прихода духов. Сидели у костра, курили беспрестанно трубки и разговаривали вполголоса.

— Держи ее, держи! — закричало в тайге несколько молодых голосов. Затем кто-то побежал, упал, его схватили и повели на стойбище.

Несколько молодых звонких голосов что-то со смехом рассказывали, другие кого-то ругали. Собаки всего стойбища точно с ума сошли и с остервенением лаяли.

Люди выглянули из чумов и увидели, как группа подростков-комсомольцев вела из тайги пойманную шаманку.

Комсомольцы выследили, когда шаманка вышла этой ночью делать на снегу загадочные следы. Поймали ее на месте преступления и, приведя на стойбище, разоблачили ее проделки перед всем народом.

Наутро стойбище решило об этих проделках шаманки сообщить в Чунский районный исполнительный комитет. Двое мужчин заседлали оленей и поскакали в Чуню.

* * *

— Шаманы и бывшие кулаки очень не любят наш колхозный строй. Они вели и ведут против наших колхозов подлую борьбу, используя для этого религиозные суеверия трудящихся масс. Поэтому, — сказал я ребятам, — против религиозных предрассудков и их проповедников — шаманов — надо вести решительную борьбу. Для этого надо упорно и терпеливо разъяснять трудящимся весь вред религиозных предрассудков и шаманства, надо показать верующим, какой вред они приносят эвенкийскому народу.

— Мы постоянно ведем пропаганду против религии и шаманства, — ответили мне ребята. — Мы нашим родителям и знакомым разъясняем вред религиозных суеверий и шаманства.

— В стенной газете у нас есть „уголок безбожника“.

— В школе на уроках мы часто обсуждаем эти вопросы, доказывая, что никаких духов нет.

— В нашем пионеротряде часто бывают беседы на эти вопросы. Беседы в отряде с нами проводят вожатые, комсомольцы нашей ячейки и наши учителя. Мы и сами иногда ведем беседы со взрослыми эвенками, когда те приезжают из тайги.

— А мы в школе решили, — сказала подошедшая ко мне девочка, — когда разъедемся на каникулы в тайгу, то будем вести борьбу против религии и шаманства, разъяснять их вред верующим.

— Молодцы ребята, — похвалил я учеников. — Вот так и другие должны делать. Вот я напишу обо всем, что я слышал от вас, в книжке и расскажу через нее всем другим ребятам тайги. Они прочтут эту книжку и поймут в чем вред религиозных суеверий и шаманства. Поймут и будут вести с ними борьбу. Они будут, также, как это делаете вы у себя в школе, терпеливо разъяснять верующим, чем вредны религия и шаманы.

Они помогут людям выработать правильные представления об окружающем их мире вместо веры в духов.

Мы дружески простились, пожали друг другу руки и разошлись: они с учительницей Либгорик пошли к школе, а я поехал дальше в тайгу.

ЭКУН ДУКУВЧА

	Стр.
Религиознаил суевериеел тадук самасэл эрулвэтын тэдедерилду манникатна тыливкэнмувкэ	3
Экскурсияду кунгакартыки татыгамни-аси Либгорик эва улгучэнчэн	14
Эда хулукун Питакэ энинэ ачин эмэнмучэн	26
Амака Калтакан татыгавдерилтыки кунгакартыки эва улгучэндечэн	36
Ниручанду бираялу экун бичэн	48
Он самасэл эвэдывэ таткитва хуски нгорчадячатын	57
Эвэды аиткит эрупчуткул булэсэлин	68
Самасэл коллективизациява хуски нгорчантын	80
Приложение. Русский текст	93